

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал

2024, № 4 (67)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзаринов Ряз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Шамсутдинова Илья Ильдусовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политологических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики. Почетный консул Франции в г. Казани. Академик Академии политической науки

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. Заместитель директора по научной деятельности Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор. Декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, заведующий кафедрой государственного управления, истории, социологии КНИТУ КХТИ

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Шелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор. Директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Howard Davis (Ховард Дэвис), professor, PhD in Sociology at the Bangor University, (Bangor, United Kingdom). BA Cambridge (UK). PhD Edinburgh (SCO)

Matsuzato Kimitak (Кимитака Мацузато), Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Sapporo, Japan) The Vice-President of The International Council for Central and East European Studies (ICCEES)

Tsygankov Andrei (Цыганков Андрей Павлович), PhD in Political Science, professor at San Francisco, California, US

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиуллина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1606

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 28.12.2024. Дата выхода в свет 28.12.2024. Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 5,25. Тираж 300 экз. Заказ № 134/12

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Абдульязнов А.Р. Системный анализ в исследовании транспортной системы крупного города.....4

Гончарова О.В., Липатова А.В., Напреенко Г.В.
Социальные взаимодействия в цифровой среде:
социолингвистический подход..... 10

Курапова А.С., Курапов С.В., Богачев А.М. Историческое сознание казачьей молодежи с позиции междисциплинарного подхода по материалам исследования групповой акцентуации характера казачьей молодежи) 18

Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Этничность и гражданственность в структуре «Мы-концепции» юношества 28

Шмелева Н.В., Павликов А.А., Абрамычев М.М.
Привлекательность мегаполиса для профессиональной самореализации молодежи на примере Нижнего Новгорода (на материале социологического исследования) 34

ФИЛОСОФИЯ

Гарифзянова Д.С. Осмысление проблемы сознание – мозг в рамках материалистической онтологии 44

Горин А.А. Дискуссии о принадлежности религиозных вероучений хазар и караимов к иудаизму в работах религиоведов и иудейских богословов 53

Некрасов М.С. *Σχολή* и *otium*: рецепции античного понимания досуга для современного мира..... 63

Тавобелов Д.Р. Историческая наука и нарративы в эпоху постмодерна 71

Терещенко Н.А. Читая «Фишера»: к формированию нового социально-философского дискурса 78

CONTENTS

SOCIOLOGY

Abdulzyanov A.R. System analysis in the study of the large city`s transport system	4
Goncharova O.V., Lipatova A.V., Napreenko G.V. Social interactions in the digital environment: sociolinguistic approach.....	10
Kurapova A.S., Kurapov S.V., Bogachev A.M. Historical consciousness of the Cossack youth from the perspective of an interdisciplinary approach (based on the materials of the study of the group accentuation of the character of the Cossack youth)	18
Sadretdinova E.V., Korovkina N.V. Ethnicity and citizenship in the structure of the youthful "We-concept".....	28
Shmeleva N.V., Pavlikov A. A. Abramychyev M.M. Attractiveness of Nizhny Novgorod for the professional self-realization of the youth (based on the sociological research).....	34

PHILOSOPHY

Garifzyanova D.S. Comprehension of the consciousness – brain problem within the framework of materialist ontology	44
Gorin A.A. Discussions on the affiliation of the religious beliefs of the Khazars and Karaites to Judaism in the works of religious scholars and Jewish theologians	53
Nekrasov M.S. <i>Σχολή</i> and <i>otium</i> : receptions of the ancient understanding of leisure for the modern world	63
Tavobelov D.R. Historical Science and Narratives in the Postmodern Era	71
Tereshchenko N.A. Reading 'Fischer': Toward the Formation of a New Socio-philosophical Discourse	78

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 656.02+ 332.14

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.4-9>

**Системный анализ в исследовании
транспортной системы крупного города**

Абдульязнов А.Р.

*Производственное объединение «Зарница»; 420006. г. Казань, ул. Рахимова, 8
Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются две версии системного анализа в качестве методологического инструмента исследования транспортной системы крупного города. Внимание уделяется таким источникам системного мышления, как системно-деятельностная теория Т. Парсонса и теория систем Н. Лумана. Определяются перспективы использования теоретического подхода Н. Лумана к анализу транспортной системы как совокупности всех социальных коммуникации, как аутопойетической системы.

Ключевые слова: транспортная система города, теория социальной системы и социального действия Т. Парсонса, новый функционализм Н. Лумана, коммуникации, аутопойезис.

Для цитирования: Абдульязнов А.Р. Системный анализ в исследовании транспортной системы крупного города. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67):4–9.

**System analysis in the study of the large city's
transport system**

Abdulzyanov A.R.

*Production Association "Zarnitza"; 420006. City Kazan, Rakhimova str., 8
Russian Federation*

Abstract. Two versions of the system analysis are analyzed as a methodological tool for studying the transport system of a large city. Attention is paid to such sources of systemic thinking as T. Parsons' system-activity theory and N. Luhmann's theory of systems. The prospects of using N. Luhmann's theoretical approach to the analysis of the transport system as a set of all social communications, as an autopoietic system, are determined.

Keywords: transport systems of the city, theory of social system and social action by T. Parsons, new functionalism by N. Luhmann, communications, autopoiesis.

For citation: Abdulzyanov A.R. *System analysis in the study of the large city's transport system. The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67):4–9 (In Russ.)

Введение

Транспорт – один из важнейших структурных элементов мегаполиса, его ключевой механизм жизнеобеспечения всех потребностей населения: экономических, политических, духовных, социальных. Всесторонние комплексные исследования транспортной системы сегодня представляются очень актуальными для России в условиях разрабатываемых программ реконструкции и развития различного вида транспорта. Однако их решение, на наш взгляд, возможно на базе решения не только технических и технологических проблем его функционирования, но, прежде всего, на основе переосмысления методологического аспекта функционирования транспортной системы. На наш взгляд, успех реализации программ совершенствования и развития транспортной системы во многом определяется выбором методологического подхода к анализу транспортной системы.

Методы

Поскольку проблема функционирования городской транспортной системы охватывает широкий спектр задач – от математических и технико-технологических до экономических, социально-политических и культурно-антропологических, она стала предметом анализа самых разных наук. Проблемные области изучения транспортных проблем в контексте каждой из них охватывают специфические взаимодействия и взаимосвязи транспортной структуры, но практически в каждой из них сложилась устойчивая традиция ее исследования с позиций системного анализа, методологические принципы которого предопределяют подход к ней как сложной и многогранной социальной системе. В ней требуется определить ее компоненты, структуру, построить обобщенную модель целостной си-

стемы, выявить механизмы ее эффективного функционирования, вскрыть многообразие социальных связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой.

Результаты и обсуждения

В социологической науке системный подход получил свое целостное оформление в теории структурно-функционального анализа, представленной в своей ранней версии в концепциях общества Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, в зрелой форме – в теории социальной системы и социального действия Т. Парсонса, Р. Мертона и их последователей. Социальная система, с точки зрения Т. Парсонса, представляет собой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий. При этом его теоретическую схему объединяет и организует проблема социального порядка, характерными чертами которого являются корреляция частей или переменных системы. Взаимодействие элементов, составляющих целостность, образует, в интерпретации Т. Парсонса, систему [1, с. 4]. Общество как организованное социальное целое, по Парсонсу, включает функциональные системы, которые взятые вместе, образуют общество.

Сам Парсонс видел перед собой задачу в определении общей концептуальной схемы своей социологической теории, избавленной от эмпирических деталей. Правда он попытался позже применить свою четырехфункциональную парадигму системы социального действия AGIL, составными элементами которой являются «адаптация (Adaptation), достижение цели (Goal attainment), интеграция (Integration) и латентность (Latency)» [2, с. 97] к анализу малой группы [3]. Мы вслед за ним применим эту схему к анализу транспортной системы как одной из разновидностей социальной системы,

которую, следуя Парсонсу, мы должны соотносить не с совокупностью индивидов, а с «организованными формами взаимодействия между людьми, представляющих институциональные образцы, поддерживающие системное целое» [1, с.18].

Понятие «транспортная система города» в парсоновской концептуальной модели должно содержать описание ее как функционального компонента общества, выполняющего одну из задач, а именно интегративную функцию, связывающую отдельные части города, а также служащую связующим элементом между различными его системами (экономической, социальной, бытовой, архитектурной, культурной и др.).

Итак, транспортная система, призванная выполнять интегративную функцию, фактически выполняет роль социального института, функционирующего на основе определенных норм, включающих в себя устойчивые ожидания относительно действий участников ситуации и соответствующие общим культурным ценностям. Сложившаяся в данном социальном институте нормативная система должна обеспечивать координированные действия и стабильность всего общества как целого.

Однако транспортная система города, как и любая другая социальная система, не ограничена в своих действиях выполнением одной своей функциональной задачи. На эту способность любой социальной системы указывает сам Т. Парсонс: «по мере превращения общества в сложно организованное социальные системы могут развивать внутри себя собственные функциональные подсистемы для решения проблем адаптации» [4, с. 24], например, транспорт подключается к решению проблем маломобильных граждан, или берет на себя функции социализации (формирование определенной системы ценностей) и др.

Таким образом, в рамках системно-деятельностной теории Т. Парсонса системе городского транспорта отводится роль связующего элемента – интегратора между различными системами города (экономической, социальной, бытовой, архитектурной, культурной и др.), а также ряд дополнительных функций по обеспечению активности участников городского пространства и сохранению социального порядка в социальной системе» посредством «особых ценностно-нормативных комплексных систем, регулирующих поведение индивидов». Необходимо учитывать и системный характер самого института транспорта, реализующего свои функции на основе синтеза систем управления транспортом, градостроительства, землепользования и организации дорожного движения, реализуемой на основе специальной системы права.

Однако схема Т. Парсонса объясняет только «прогрессивные» изменения, происходящие в социальных системах, то есть те из них, которые способствуют равновесию, а изменения, приводящие к общественным катастрофам, конфликтам оставляет за кадром, что делает ее объектом критики социологов. Вопреки убеждению Т. Парсонса, что с течением времени в обществе повышается адаптивная способность, которая препятствует образованию конфликтов, в различных социальных системах время от времени нарушается равновесие между потребностями индивида и социальной средой, что приводит к их дестабилизации, а зачастую и к коллапсу, как это произошло с транспортной системой практически во всех индустриально развитых регионах мира. Транспортная система сегодня не в состоянии выполнять свою интегративную функцию и всякие попытки внести усовершенствования в различные элементы системы управления ею создают еще большее напряжение в ее функционирование.

Теоретическая система Т. Парсонса подверглась критике за свою категоричность и безапелляционность со стороны многих мыслителей, в том числе и одним из его учеников, а именно немецким социологом Никласом Луманом. Луман предложил вариант неофункционалистской теории системы, на основе которого можно найти, на наш взгляд, более эффективные варианты решения многих социальных проблем, в том числе и проблем функционирования транспортной системы города и транспортной мобильности населения.

В чем специфика нового функционализма Н. Лумана, его отличие от классического структурно-функционального анализа, в рамках которого в большинстве своем до сих пор реализуются исследования проблем и перспектив развития транспортной системы в контексте городского пространства? На первый взгляд есть сходство его теории с функциональным подходом к социальной системе Т. Парсонса: есть социальные системы, эти системы объясняются функциональным образом, то есть по тем функциям, которые они выполняют. Однако немецкий социолог пересматривает самую суть парсоновского учения о системе. Система, по его мнению, «не представляет собой упорядоченную взаимосвязь различных элементов структуры; системой является все то, что является самодостаточным и способно воспроизводить себя само, отличая себя от окружения» [5, с. 51]. То есть Н. Луман определяет систему негативно, через ее отношение к тому, чем она не является. «По Луману, очень важно проводить различие между системой и окружением: система не является окружением, в свою очередь окружение - это то, что не является системой» [6, с. 115].

Важнейшим свойством системы выступает ее самодостаточность, она способна воспроизводить себя саму,

таким образом, этот процесс создания системы представляет собой замкнутый цикл. Н. Луман подчеркивает бесконечно сложный характер окружения, который не позволяет системе его охватить. В методологическом плане это означает, что увидеть окружение системы изнутри невозможно, как невозможно изучить систему снаружи, то есть нельзя подвергнуть анализу связи замкнутой системы с ее окружением [7].

Н. Луман отвергает возможность адаптации системы. Он полагает, что системы изначально приспособлены друг к другу. Адаптация вообще не может входить в круг ее «задач», поскольку она так или иначе подразумевает «знание» специфики внешней среды, а социальная система, будучи изолированной от окружения, не может обладать таким знанием.

Социальная система воспроизводит себя при помощи своего ключевого элемента — коммуникации. Понятие коммуникации - ключевое в теории социальных систем Н. Лумана; он полагает, что «общество состоит не из личностей, а из коммуникаций между ними. Эта система коммуникаций обладает собственной реальностью и собственной автономией» [6, с. 135].

В ходе коммуникации происходит не передача информации, а перераспределение знания и незнания. Информация понимается Н. Луманом как событие, которое меняет состояние системы, оставляя структурный эффект. То есть существование социальной системы возможно именно благодаря коммуникации, без нее невозможны самопроизводство и саморегенерация системы. Отсутствие коммуникации есть отсутствие социальной системы» [8, с. 113]. Для того, чтобы система продолжала коммуницировать, она порождает структуры для поддержки коммуникации – институты, нормы и роли.

Социальные институты, таким образом, выступают в роли подсистем

коммуникации, которые благодаря процессам вариации, отбора и стабилизации получают импульс к своему развитию. Все это справедливо в отношении транспорта, который благодаря развитию и постепенному усложнению своей организации постепенно превращается в функциональную подсистему общества. При этом важно отметить, что в ходе этого процесса происходит, как подчеркивает Н. Луман, не передача информации, а перераспределение знания и незнания, что в данном случае можно интерпретировать как знание и незнание о сущности источников проблем транспортной системы.

А что же тогда выступает механизмом контроля системы окружающей среды? Луман полагает, что это аутопойезис – способность общества быть самодостаточным образованием, обладающим способностью к самовоспроизводству и отличию себя от окружения. Аутопойезис – это, по существу, внутрисистемная адаптация, а не адаптация к внешней среде. Для его осуществления необходимы определенные предпосылки в виде реализации функций определенных структур. «Системы, способные к аутопойезису, состоят из компонентов и отношений, способных воспроизводить элементы и связи между ними с помощью лишь собственных действий, то есть операций, относящихся к самой системе, а не к окружающему миру» [9, с. 30]. Как пишет Н. Луман, «общественная система должна изменять свои структуры ради поддержания собственного аутопойезиса, если определённые функции больше не выполняются [10, с. 174].

Следовательно, транспортная система, чтобы стать аутопойетической, должна производить сама себя и создавать не только свои собственные структуры, но также стать автономной на уровне операций, так как она не может импортировать операцию из окружающего мира» [11, с. 113].

Выводы

Итак, подход Лумана предлагает нам возможность пересмотреть устоявшиеся представления о том, что транспортная система как элемент социальной системы является комплексом социальных действий и взаимодействий и трактовать ее как совокупность всех социальных коммуникаций. Мы предлагаем рассматривать ее как аутопойетическую, т. е. как систему, способную к структурному самовоспроизводству за счёт способности избирательного реагирования на воздействия окружающей среды. Бесконечная сложность окружающей среды осваивается путем ее подгонки под свою особенность через отбор актуального для нее, через упрощения и ограничения. При всем разнообразии воздействий внешней среды транспортная система является самодетерминированной структурой, социализируемой обществом.

Заключение

Таким образом, благодаря идеям Лумана транспортная система получает иные методологические основания анализа, что позволяет нам расширить представление о сущности ее проблем и способов их решения.

Список литературы / References

1. Парсонс Т. (2002). О социальных системах / под ред. В. Чесноковой, С. Балановского. М.: Академический Проект/ 830 с.
Parsons T. (2002). On social systems / edited by V. Chesnokova, S. Balanovsky. Moscow: Academic Project. 830 p.
2. Парсонс Т. (1993). Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS*/. вып. 2. М. С. 94-122.
Parsons T. (1993). The concept of society: components and their relationships. *THESIS*, issue 2. M. Pp. 94-122.
3. Parsons T., Bales R., Shils E. (1953). Working Papers in the Theory of Action. New York: Free Press. 269 p.
4. Батыгин Г. С. (2003). Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. серия Социология. №4-5. С. 6-34.
Batygin G. S. (2003). The structural functionalism of Talcott Parsons // Bulletin of the RUDN. Sociology series. No.4-5. pp. 6-34.
5. Назарчук А.В. (2012). Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Изд-во «Весь Мир». 248 с.
Nazarchuk A.V. (2012). Niklas Luhmann's teaching on communication. M.: Publishing house "The Whole World". 248 p.
6. Назарчук А. В (2009). Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс- Традиция. 318 с.
Nazarchuk A.V. (2009). Theory of communication in modern philosophy. M.: Progress- Tradition. 318 p.
7. Луман Н. (2007). Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман; под ред. Н. А. Головина. СПб: Наука. 641 с.
Luhmann N. (2007). Social systems. An essay on the general theory / Niklas Luhmann; edited by N. A. Golovin. St. Petersburg: Nauka. 641 p.
8. Посконина О.В. (1997). Общественно-политическая теория Н. Лумана: методологический аспект. Ижевск. 219 с.
Poskonina O.V. (1997). N. Luhmann's socio-political theory: methodological aspect. Izhevsk. 219 p.
9. Луман, Н. (1994а) Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / под. ред. А. О. Бороноева. СПб. : Петрополис. С. 25-42.
Luhmann, N. (1994a) The concept of society // Problems of theoretical sociology. edited by A. O. Boronoeva. St. Petersburg: Petropavlovsk. pp. 25-42.
10. Луман Н. Дифференциация (2006). Пер. с нем. Б. Скуратов. М. 320 с.
Luhmann N. Differentiation (2006). Translated from German by B.Skuratov. M. 320 p.
11. Луман Н. Власть (2001). Пер. с нем. А.Ю. Антокольского. М.: Праксис. 256 с.
Luman N. Power (2001). Translated from German by A.Y. Antokolsky. M.: Praxis. 256 p.

Информация об авторе

Абдульзянов Артур Рашидович, председатель совета директоров производственного объединения «Зарница». SPIN-код: 8072-4818, Author ID: 1031102, ORCID: 0000-0002-2188-4277, Researcher ID: LWK-5434-2024
e-mail: director@zarnitza.ru

Information about the author

Abdulzyanov Artur Rashidovich, Chairman of the Board of Directors of the Zarnitsa Production Association. SPIN-код: 8072-4818, Author ID: 1031102, ORCID: 0000-0002-2188-4277, Researcher ID: LWK-5434-2024
e-mail: director@zarnitza.ru

Поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.
Received 11.11.2024; Accepted 16.12.2024.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4. 10–17>

**Социальные взаимодействия в цифровой среде:
социолингвистический подход**

Гончарова О.В.

*Пятигорский государственный университет,
357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9, Российская Федерация*

Липатова А.В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Напреенко Г.В.

*Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрывается методологическое применение социолингвистического подхода в процессе исследования взаимосвязи лексических маркеров и социальных взаимодействий в цифровой среде. Социальное взаимодействие в виртуальном пространстве исследуется через выявление механизмов конструирования социального поля посредством символической природы текста. В качестве метода предложено рассмотрение социального сетевого анализа, который опирается на теорию графов и визуализацию вершин («узлов») и ребер («связей») с определёнными типами взаимоотношений. Описана технология построения корпуса ключевых слов и фраз, на базе которого формируется структура, выделяются кластеры и наиболее значимые лексические единицы, отражающие основные дискурсы, темы, фреймы и характеристики интеракций.

Ключевые слова: социальные взаимодействия, цифровая среда, социальные сети, сетевой анализ, социолингвистика

Благодарности: Публикация подготовлена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания

Для цитирования: Гончарова О.В., Липатова А.В., Напреенко Г.В. Социальные взаимодействия в цифровой среде: социолингвистический подход. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024; (4 (67)):10–17.

Social interactions in the digital environment: sociolinguistic approach

Goncharova O.V.

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

Lipatova A.V.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 420008, Russian Federation

Napreenko G.V.

Kemerovo State University, Kemerovo, 650000, Russian Federation

Abstract. The article reveals the methodological application of sociolinguistic approach in the process of researching the relationship between lexical markers and social interactions in the digital environment. Social interaction in virtual space is investigated through the identification of mechanisms of social field construction through the symbolic nature of the text. As a method, a social network analysis is proposed, which relies on graph theory and visualisation of nodes and edges ('nodes') and links ('links') with certain types of relationships. The technology of building a corpus of key words and phrases is described, on the basis of which the structure is formed, clusters and the most significant lexical units reflecting the main discourses, themes and frames are singled out. The application of the network analysis method in the empirical field can reveal the mechanisms of interaction between different social groups.

Keywords: social interactions, digital environment, social networks, network analysis, sociolinguistics

Acknowledgements: The paper was published at the expense of the subsidy allocated to Kazan Federal University for the project № FZSM-2023-0022 «Digital socialisation and digital competence of young people in the conditions of global systemic changes: regulation technologies, risks, scenarios» within the framework of the state assignment

For citation: Goncharova O.V., Lipatova A.V., Napreenko G.V. Social interactions in the digital environment: sociolinguistic approach. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):10–17. (In Russ.)

Введение

Парадигма «сетевого общества», сформулированная испанским социологом М. Кастельсом, предложила новую модель мира – информационно-сетевую. Современное общество пронизано множеством незримых глобальных сложносоставных сетей: торгово-экономических, нефтегазовых, телекоммуникационных, цифровых... Особенность организации этих сетей описали философы-постмодернисты, которые обратились к концепции ризомы – особой организации связи, лишенной упорядоченности, симме-

трии, единого центра и четкой иерархии (по аналогии с корневой системой растения). Сеть объединила «значительное число людей, которые на новой технологической основе смогли организовать человеческие сообщества, функционирующие по особым законам» [1, с. 23]. Ежегодный отчет Digital 2024, который объединяет данные крупных компаний-медиаисследователей Datareportal, We Are Social и Meltwater, характеризует интернет-аудиторию как «супербольшинство». Так, на начало 2024 года общее число интернет-пользователей составило

5,35 млрд человек или 66 % от всего населения планеты [2].

Сегодня в методологическом плане ведется научная дискуссия вокруг механизмов развертывания социальных связей и конструирования социального поля в Интернет-пространстве. Это связано и с вопросами реализации социальных взаимодействий в офлайн-и онлайн-среде: являются ли цифровые интеракции продолжением реальных практик с переносом характеристик из «первоисточника» или они настолько трансформируются в виртуальной среде, что предлагают новые модели взаимодействия? В поиске инструментария для изучения механизмов социальной коммуникации сформулирована цель данной статьи – раскрыть применение социолингвистического подхода в процессе изучения взаимосвязи лингвистических маркеров и практик социального взаимодействия в цифровой среде.

Теоретический обзор социальных взаимодействий в контексте влияния цифровой среды

В научных трудах «Система социологии» и «Социальные системы» П. Сорокин выносит вопросы структурирования социального пространства и роли социального взаимодействия как фактора поддержания коллективного единства. Он метафорично сравнивает процесс атрофирования проводников-интеракций между людьми с пересохшим руслом небольшого ручья [3, с. 342]. Тем самым актуализируется модель социального единства, которая включает как отдельных индивидов, так и механизмы взаимодействия между ними. Т. Парсонс предлагает взглянуть на социальное действие через эмоциональную и инструментальную мотивацию социального актора, направленную на социальную деятельность в широком смысле или в более узком – специализированном, наце-

ленном на решение специфических задач [4].

Парсоновский макроструктурализм подвергается переосмыслению в теории Дж. Тернера, который стремится отойти от сведения всех социальных процессов «в единую грандиозную схему» [5]. Эту точку зрения разделяет и ряд современных авторов, и прежде всего, они обращаются к социальной многомерности, которая обусловлена особыми и противоречивыми формами взаимоотношений в обществе [6]. Так, по мнению канадского социолога доктора Э.Ф. Шорманс, социальное участие связано с многочисленными конструктами и подвержено влиянию различных факторов: индивидуальных, структурных, местных и глобальных [7]. Например, в исследовании социального взаимодействия в учебном процессе на первый план выходят факторы функциональности процесса, самооценки и психологического здоровья учащихся [8]. А в изучении поведенческих паттернов социального взаимодействия в городском пространстве рассматривают факторы влияния качественных характеристик городской среды и архитектурно-строительные решения [9].

Обращаясь к вопросам конструирования социального взаимодействия в цифровой среде, исследователи выделяют факторы влияния контекстов социальных сетей, мгновенного характера обмена сообщениями с использованием множественного набора «точек входа» в цифровое пространство – гаджетов [10]. Также выделяют анонимность и размытие ролевого распределения, смещение социальной идентификации в связи с особенностями социальных групп в Интернете и межгруппового доверия [11]. Цифровой контекст может усиливать или ослаблять тенденции реального взаимодействия, влияя на интенсивность социальной сплоченности (например, цифровой контекст усиливает соци-

ально-пространственное неравенство в городах, поскольку районы с низким социальным капиталом с меньшей вероятностью смогут воспользоваться преимуществами цифровой эпохи) [12].

Социальное взаимодействие рассматривается как элемент конструкта социальной сплоченности, наравне с такими компонентами, как самоидентификация и ориентация на общее социальное благо [13]. Характеристики интеграции или разобщения акторов в цифровой среде изучаются в том числе и с помощью модели сегрегации Т. Шеллинга (Schelling Segregation Model – SSM, 1978 г.) [14]. В рамках теории SSM социальная система представлена в виде самоорганизующейся «сетки», где агенты стремятся сформировать вокруг себя гомогенную или однородную среду. Социальное взаимодействие исследуется через распределение среды и групп акторов в соответствии с фактором уровня схожести или различия агентов системы [15]. Таким образом, ряд теорий предлагает структурирование сложных цифровых процессов, и далее мы рассмотрим применение социолингвистического подхода к анализу социальных взаимодействий в виртуальной среде.

Социолингвистический подход в исследовании цифровой среды

На современном этапе границы социолингвистического подхода еще не до конца очерчены, однако основная его суть сводится к исследованию функционирования лингвистических единиц и последующей интерпретации полученных результатов с точки зрения социального знания. В научном дискурсе социолингвистику описывают как ведущую научную область, изучающую взаимоотношения языка и общества [16]. В основе цифровой реальности лежит символическая природа, в рамках которой смыслы, социальные отношения, ценностные ориентации и выражаются через оперирование зна-

ками. Текст и иные символические формы кодируют и организуют смыслы, образуя сложную знаковую систему цифровой среды. Для цифровой коммуникации характерна полифоничность как объединение большого количества различных типов дискурса и речевых практик. Выделяя лексические единицы, можно проследить социальные, языковые, культурные процессы, которые происходят в обществе. Виртуальная электронная коммуникация между пользователями осуществляется при помощи средств естественного языка как кода. Важным в такой коммуникации является «экзистенциальный смысл» владения языком пользователем: «С помощью средств языка находят свое выражение не только мысли, но и действия участников коммуникации» [1, с. 23]. Так, исследование социальных сетей как дискурсивного пространства позволяет описать речевое поведение пользователей, где речь вступает в связь с конкретным содержанием: мыслями, чувствами, настроением человека [17]. Таким образом, Интернет становится «особым местом реализации языка» [1, с. 21] и дискурсивным пространством, в котором разворачиваются социальные практики и социальное взаимодействие.

Метод сетевого анализа в контексте социолингвистического подхода

Социальный сетевой анализ (Social Network Analysis, SNA) предоставляет инструментарий для изучения структурных характеристик социальных сетей, позволяет выявлять закономерности во взаимодействиях между индивидами и группами. Применение SNA в исследовании различных социальных групп открывает возможности для понимания механизмов объединения отдельных пользователей в сообщества и влияния отдельных участников социального взаимодействия на динамику сети. Социальный

сетевой анализ обращается к теории графов, где сеть визуализируется как совокупность вершин («узлов») и ребер («связей») с определёнными типами взаимоотношений. В рамках сетевого анализа участниками («узлами») могут выступать любые социальные единицы, вовлечённые во взаимодействие (вместе с тем, не всегда подразумевается их активное участие в качестве акторов). На платформах форумов и блогов информация, как правило, распространяется по принципу «один ко многим» или модели «точка – плоскость». Один «узел» способен иметь связи с бесчисленным количеством других узлов в сети, что приводит к разнообразию способов и режимов распространения информации.

В виртуальных сообществах разнообразие социального взаимодействия обусловлено различиями в силе связей между узлами и вариативной плотностью сетевого взаимодействия. Параметр «сила связи» определяется сочетанием продолжительности существования связи, эмоциональной интенсивности и степени близости между участниками [18]. Часто эту силу измеряют через степень пересечения соседних узлов в сети: чем больше общих соседей у двух узлов, тем крепче их связь. Сильные связи способствуют созданию плотно сплочённых и кластеризованных сообществ, где между узлами преобладает высокий уровень доверия. Напротив, слабые связи обычно формируются между участниками, которые не тесно связаны и часто существенно отличаются друг от друга.

Применение SNA позволяет оценить и уровень интерактивности и эмоциональности при социальном взаимодействии. В исследовании с применением алгоритма SentiStrength была выявлена связь между развитием популярных тем и «эмоциональностью» групп [19]. Результаты показали, что популярные события обычно сопровождаются увеличением интенсивности

негативных эмоций, причём в период пика эта интенсивность была выше, чем до его наступления.

Сетевой анализ, как правило, проходит в два этапа: подготовка текстового материала или «корпуса текстов» и его последующий анализ, в ходе которого осуществляется построение сетевого взаимодействия и его интерпретация. На финальном этапе проводится упрощение структуры сети, выявление кластеров и определение наиболее значимых лексических единиц, отражающих основные дискурсы и нарративы текста. Практика показывает, что наиболее продуктивными для анализа являются провокационные тексты, которые содержат дискуссии, напряженность, противоречия, предвзятость, явные или скрытые манипулятивные цели.

Важным шагом в сетевом анализе является отбор ключевых слов, выражений или фраз. Например, при изучении политических выступлений лексема «мы» может быть весьма значимой, отражая риторику и позицию оратора. В других нарративах слово «мы» может рассматриваться как несущественное стоп-слово, которое следует игнорировать. Альтернативным подходом является выделение именованных сущностей (имена людей, названия организаций или стран), упомянутых в тексте. На этом этапе исследователи часто комбинируют методы «сверху вниз» и «снизу вверх». С позиции подхода «сверху вниз» при отборе релевантных ключевых слов учитываются теоретические рамки, исследовательские вопросы и гипотезы. С точки зрения подхода «снизу вверх» исследователи готовы включать ключевые слова, которые вводят новые категории и измерения в анализ [20]. Важным приемом становится лемматизация, то есть приведение слов к их начальной форме (например, «делаю» и «делал» преобразуются в «делать»). Также может быть полезным создать несколько списков ключевых слов, каждый из которых

посвящён различным аспектам текста. Например, выборка существительных помогает определить наиболее распространённые темы. Фокус на прилагательных необходим в оценке изучения настроений и мнений, а глаголы выявляют направленность и содержание действий между участниками.

В сетевой модели ключевые слова выступают в роли узлов, а связи между ними устанавливаются на основе количества предложений, постов, абзацев или новостей, где эти слова встречаются вместе. Альтернативный подход к установлению связей между словами основан на их расстоянии или близости друг к другу, известный также как метод ближайших соседей (k-next-neighborhood) [21]. В процессе построения сетевой структуры и визу-

ального выделения кластеров многие программные инструменты для сетевого анализа позволяют проводить кластерный анализ с целью определения основных тем и фреймов, которые автоматически формируются на основе совпадения слов.

Применение метода сетевого анализа в эмпирическом аспекте позволяет выявить механизмы взаимодействия различных социальных групп, что в дальнейшем может лечь в основу рекомендаций по совершенствованию стратегий взаимодействия с аудиториями. Таким образом, применение интегративного социолингвистического подхода открывает новые возможности для понимания социальных процессов в цифровой среде.

Список литературы / References

1. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии. *Жанры речи*. 2009; (6):11–27.
2. Goroshko E.I. Internet genre and language functioning on the Internet: an attempt at reflexion. *Genres of speech*. 2009; (6):11–27. (In Russ.)
3. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
4. Sorokin P.A. System of Sociology. Moscow: Astrel, 2008. 1008 p. (In Russ.)
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
6. Parsons T. On the Structure of Social Action. Moscow: Academic Project, 2000. 880 p. (In Russ.)
7. Turner J.H. A Theory of Social Interaction. Stanford, California: Stanford University Press, 1988. 225 p.
8. Ворников В.И. Социальная многомерность конвенциональности в современном обществе. *Наука, техника и образование*. 2017; (8 (38)): 69–76.
9. Vornikov V.I. Social multidimensionality of conventionality in modern society. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*. 2017; (8 (38)): 69–76. (In Russ.)
10. Fudge Schormans A. Social Participation. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht. 2014:6135–6140.
11. Ellinger J., Mess F., Bachner J., von Au J., Mall C. Changes in social interaction, social relatedness, and friendships in Education Outside the Classroom: A social network analysis. *Front Psychol*. 2023; (2 (14)).
12. Askarizad R., Safari H. The influence of social interactions on the behavioral patterns of the people in urban spaces. *The pedestrian zone of Rasht Municipality Square*. 2020; (101).
13. Singh P., Lin T., Mueller E.T., Lim G., Perkins T., Zhu W.L. Open Mind Common Sense: Knowledge acquisition from the general public. *Lecture Notes in Computer Science*. 2002; (2519):1223–1237.

11. Hong C., Jing Q., Jing L., Guangjia Z. The Influence of Internet Use on Interpersonal Interaction among Chinese Urban Residents: The Mediating Effect of Social Identification. *Asian Journal for Public Opinion Research*. 2016; (3 (2)):84–105.
12. Üblacker J., Liebig S., Hamad H. Catalysts of connection. The role of digital information and communication technology in fostering neighbourhood social cohesion: A systematic review of empirical findings. *Urban Studies*. 2024; (61 (16)).
13. Schiefer D., Van der Noll J. The Essentials of Social Cohesion: A Literature Review. *Social Indicators Research*. 2017; (132 (2)):1–24.
14. Schelling Th.C. *Micromotives and Macrobehavior*. New York: Norton & Company, 2006. 281 p.
15. Гончарова О.В., Липатова А.В., Напреенко Г.В. Социальные взаимодействия в контексте цифровой социализации молодежи. Казань: Издательство Казанского университета, 2024. (4). 203 с.
Goncharova O.V., Lipatova A.V., Napreenko G.V. Social interactions in the context of digital socialisation of youth. Kazan: Kazan University Publishing House, 2024. (4). 203 p. (In Russ.)
16. Аникина Т.В. Имя собственное в Интернет-коммуникации. *Известия Уральского государственного университета*. 2010; (2):71–76.
- Anikina T.V. The proper name in Internet-communication. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010; (2):71–76. (In Russ.)
17. Сержанова Ж.А. К вопросу о понятии речевого поведения и факторах, детерминирующих речевое поведение билингвов. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2011; (1):186–190.
- Serzhanova J.A. To the question of the concept of speech behaviour and factors determining speech behaviour of bilinguals. *Vestnik Krasnoyarsk State Pedagogical University named by V.P. Astafiev*. 2011; (1):186–190. (In Russ.)
18. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973; (78 (6)):1360–1380.
19. Thelwall M., Buckley K., Paltoglou G. Sentiment in Twitter event. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2011; (62 (2)):406–418.
20. Segev E. (Ed.) *Semantic Network Analysis in Social Sciences*. New York: Routledge, 2022. 232 p.
21. Drieger P. Semantic network analysis as a method for visual text analytics. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013; (79):4–17.

Информация об авторах

Гончарова Оксана Владимировна, канд. филол. наук, доцент, Пятигорский государственный университет кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции.

Author ID 56037850600; ORCID ID0000-0003-1044-6244, e-mail: goncharovaov@pgu.ru

Липатова Анна Вячеславовна, канд. полит. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

Author ID 59225907300; ORCID ID0000-0002-3466-2534, e-mail: anna-shab@mail.ru

Напреенко Галина Викторовна, канд. филол. наук, доцент, Кемеровский государственный университет, кафедра стилистики и риторики.

ORCID ID0000-0002-4404-0560, e-mail: galina_napreenko@mail.ru

Information about authors

Goncharova Oksana Vladimirovna, PhD, Associate Professor, Pyatigorsk State University, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence. Author ID 56037850600; ORCID ID0000-0003-1044-6244, e-mail: goncharovaov@pgu.ru

Lipatova Anna Vyacheslavovna, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology. Author ID 59225907300; ORCID ID0000-0002-3466-2534, e-mail: anna-shab@mail.ru

Napreenko Galina Viktorovna, PhD, Associate Professor, Kemerovo State University, Department of Stylistics and Rhetoric. ORCID ID0000-0002-4404-0560, e-mail: galina_napreenko@mail.ru

Поступила в редакцию 20.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

Received 20.11.2024; Accepted 16.12.2024.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.18–27>

**Историческое сознание казачьей молодежи
с позиции интердисциплинарного подхода
(по материалам исследования групповой акцентуации
характера казачьей молодежи)**

Курапова А.С.

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ», 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д.5, литер Ф,
Российская Федерация*

Курапов С.В.

*Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (ПГУ), 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73,
Российская Федерация*

Богачев А.М.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается историческое сознание казачьей молодежи, которое не только фиксирует прошлое, но и активно участвует в контексте социальных изменений, влияя на настоящую жизнь. Эмоциональное восприятие исторических событий у представителей казачества – это сложный процесс, в основе которого лежат коллективная память, традиции и исторический опыт, которые передаются через фольклор, культурные практики и межпоколенческие связи, что создает уникальную и яркую картину казачьей идентичности.

В данной статье представлены результаты исследования сообщества казачьей молодежи, проведенного посредством социологического (сетевой анализ ценностей) и психологического (акцентуация характера) метода.

Ключевые слова: казачество, казачья молодежь, интердисциплинарный подход, историческое сознание, групповая акцентуация характера, ценности

Для цитирования: Курапова А.С., Курапов С.В., Богачев А.М. Историческое сознание казачьей молодежи с позиции интердисциплинарного подхода (по материалам исследования групповой акцентуации характера казачьей молодежи). *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2024;4 (61):18–27.

Historical consciousness of the Cossack youth from the perspective of an interdisciplinary approach (based on the materials of the study of the group accentuation of the character of the Cossack youth)

Kurapova A.S.

"St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI", Saint-Petersburg, 197022, Russian Federation

Kurapov S.V.

Moscow State University of Technology and Management, Moscow, 109004, Russian Federation

Bogachev A.M.

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Abstract. The article examines the historical consciousness of the Cossack youth, which not only records the past, but also actively participates in the context of social changes, influencing real life. The emotional perception of historical events among representatives of the Cossacks is a complex process based on collective memory, traditions and historical experience, which are transmitted through folklore, cultural practices and intergenerational ties, which creates a unique and vivid picture of the Cossack identity. The application of an interdisciplinary approach in conjunction sociology with history and psychology is promising for ethnosocial research and allows sociologists to understand exactly how Cossacks define their group identity, how they perceive their past and how this affects their behavior in the present, which, in turn, can help in the study of identification of other ethnic or cultural groups.

Keywords: Cossacks, Cossack youth, interdisciplinary approach, historical consciousness, group character accentuation.

Forcitation: Kurapova A.S., Kurapov S.V., Bogachev A.M. Historical consciousness of Cossack youth from the perspective of an interdisciplinary approach (based on the materials of the study of group accentuation of the character of Cossack youth). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024; (4 (61)): 18–27. (In Russ.)

Введение

Историческое сознание является важным компонентом культурной идентичности любой этнической и социокультурной общности, и казачество в этом плане не является исключением. Российское казачество, богатое своей историей, традициями и яркой культурой, представляет собой уникальный объект для исследования в контексте формирования исторического сознания его представителей, находящееся на стыке этничности и социальности.

Научный интерес к казачеству с точки зрения социологии в последние несколько лет значительно возрос и связан с социальным процессом его возрождения и институционализации, идентификационных и гендерных аспектов, культурных и самобытных практик, их трансформаций и пр.

Историческое сознание можно охарактеризовать как осознание личностью определенного временного отрезка, включающее в себя восприятие, интерпретацию и значение историче-

ского опыта, в котором индивидуальное сознание формируется через диалог с историей (Johann Gottlieb Fichte, 1794). В этом смысле память о прошлом формирует национальную (этническую) и групповую идентичность, уделяя внимание процессам конструирования исторической памяти в разных группах по-разному [1].

Казачья молодежь представляет собой отдельную когорту в структуре российского казачества, в мировоззрении которых ярко выражен синтез особых этнических, психологических, культурных и социальных компонентов. Их характер, ценности и социальное поведение одновременно отражают все специфические черты исторического сознания российского казачества, такие как, воинственность, верность традициям, стремление к свободе и коллективизм, которые формировались в ходе многовекового опыта военно-служилого сословия, но при этом глубоко укоренены в культурных архетипах казачества. С другой стороны, эта группа отражает все основные социальные образцы поведения, присущие российской молодежи в целом.

Рефлексия казаков, проявляющаяся через их черты характера, становится своеобразным медиатором, передающим и воспроизводящим сложную взаимосвязь этнического и социального в их групповой идентичности. Сочетание психологических и социологических методов исследования дает возможность понять, как историческое сознание казачьей молодежи проявляется в их характере, выявляя специфические акцентуации. Анализ сети связей ценностей казачьей молодежи выявит внутригрупповые процессы социальной коммуникации и покажет исторический контекст. Результаты групповой акцентуации характера дадут представления о том, как эта группа проявляет себя в повседневности и позволит выделить ее поведенческие особенности.

Ожидаем, что наши выводы о групповых особенностях ценностей и характера казачьей молодежи будут способствовать более глубокому пониманию исторического сознания самого российского казачества и помогут развитию новых подходов к изучению казачьей идентичности в целом.

Методы

Социокультурные аспекты исторического сознания акцентированы на том, как коллективные нарративы преобразуют индивидуальный опыт в общественные или общепринятые мифы и символы. Эмиль Дюркгейм (Durkheim, 1912) и Бенедикт Андерсон (Anderson, 1983), подчеркивали роль групповой идентичности в формировании исторической памяти и обращали внимание на то, что коллективное сознание (память), объединенное общими традициями, культурными кодами и историческими событиями, создает представление о том, кто мы есть как общество (сообщество). Это включает в себя как позитивные аспекты (сопричастность, патриотизм), так и негативные (эксклюзивизм, конфликты) [2, с. 115–118].

Согласно исследованиям И. Тжвави и А. Дземинского (2013), сообщество само определяет, какие события считаются значительными, и как они интерпретируются. Например, разные этнические группы могут по-разному воспринимать одни и те же события из-за своих уникальных историй и традиций. В этих концепциях представления об истории российского казачества в разных странах и культурах, у разных возрастных когорт казачьего сообщества могут интерпретироваться по-разному, что приводит к формированию различных версий его истории и может как укреплять, так и разъединять сообщество.

Формирование исторического сознания процесс многогранный, изучаемый с различных позиций, включая

психологические теории. Предложенная Генри Тэджфелем и Джоном Тёрнером теория социальной идентичности, акцентирует внимание на том, как люди определяют себя через принадлежность к социальным группам, что влияет на восприятие истории и формирование коллективной памяти, поскольку группы интерпретируют исторические события в свете своего личного опыта и собственной идентичности. [3, с. 37-40]. Знание и понимание истории формируются через социальные взаимодействия. В контексте исторического сознания это означает, что индивиды конструируют восприятие истории на основе взаимодействий внутри своих сообществ [4].

Исторические травмы (например, колонизация, войны, геноцид) формируют особые формы исторического сознания у пострадавших сообществ. Психологический эффект таких травм может влиять на идентичность и объединять людей вокруг коллективного горя для общего достижения в его проработке на долгие годы, что в свою очередь формирует уникальное историческое восприятие и нарратив [5].

В соответствии с подходом З. Фрейда, историческое сознание может быть связано с коллективным бессознательным. Архетипы и мифы, пронизывающие историю, отражаются в культурных нарративах и субъективных переживаниях, формируя паттерны для всего сообщества. Война и связанные с ней эмоциональные переживания казачества, закрепляются в фольклоре, создавая глубокую эмоциональную связь между поколениями и формируют похожие отношения и к государству и к собственной истории [6].

Интердисциплинарный подход подразумевает совместные исследования групп ученых, представляющих разные области знаний, и объединяющий различные дисциплины для решения комплексных вопросов, требующих многогранного анализа. В представ-

ленном исследовании используется сетевой анализ ценностей (Кастельс, Градосельская) и психологический метод групповой акцентуации характера (Леонгард, Шнайдер).

Применение метода групповой акцентуации характера к исследованию исторического сознания казачьей молодежи и интерпретация результатов в рамках интердисциплинарного подхода оправданы по нескольким причинам. Во-первых, групповая акцентуация характера предполагает, что определённые черты личности становятся более выраженными в рамках групповых взаимодействий. Во-вторых, групповая рефлексия формируется под влиянием современных социальных условий и культурных факторов с учетом индивидуальных различий в поведении и восприятии каждой отдельной личности.

В исследовании ценностей казачьей молодежи и групповой акцентуации характера приняли участие 136 представителей молодежного казачьего движения из 56 регионов России. Девушки – 65 человек, парни – 71 человек, средний возраст респондентов 26 лет. Психологический тест состоял из 104 вопросов и отражал результаты выбора моделей поведения в повседневной жизни. Каждый вопрос выявлял одну из тринадцати черт характера: параноидальность, эпилептоидность, гипертимность, истероидность, шизоидность, психастенизм, сензитивность, гипотимность, конформизм, неустойчивость, астения, лабильность, циклоидность. Каждый параметр характера фиксировался количественными показателями от (-) 16 (совсем не проявляющаяся черта характера) до (+) 16 (сильно проявляющаяся черта характера). Далее определялось среднее значение для группы каждого параметра характера и строился график.

В социологическом опросе были выделены четыре группы ценностей: личные, социальные, характерные

ценности казачества и ценности контактной среды в казачестве. В вопросах для каждой ценности была сформулирована антиценность, как противоположный выбор.

Среди личных ценностей выделены семья, самообразование, строгость в воспитании, перспективы будущего и ведение подсобного хозяйства. Ценности казачества представлены самобытностью социальной группы, выбором военной профессии, религиозностью, традициями и обычаями, а также коммуникацией внутри группы. Общественные ценности выражены участием в международных форумах, применением цифровых технологий, выбором общения со своим народом и занятием предпринимательской деятельностью. Ценности непосредственной контактной среды отражены через дисциплину, пользу от получаемых знаний, желанием состоять в казачьей организации, чувством уверенности в организации и ее оценкой и отношениями с командирами и наставниками [7].

Для сравнительного анализа результатов исследования были выбраны несколько контрольных молодежных групп (студенты инженерного факультета и студенты факультета информа-

ционных технологий). Размер выборки нерепрезентативен, поэтому итоги исследования следует оценивать, как пилотажные.

Результаты и обсуждения

Анализ сети ценностей казачьей молодежи показывает, что наибольшая плотность положительных связей складывается между «непосредственной контактной средой» и «социальной группой» (казачеством). Плотность этой связи составляет 21 % от количества всех положительных связей сети ценностей, что характеризует ценностную интеграцию из «непосредственной контактной среды» в систему всего казачества (рисунок 1).

Коммуникации внутри казачьей контактной среды возможны при наличии хорошего отношения с командирами, желании состоять в казачьей организации, дисциплине, связи с военной сферой, религиозности, вовлечении семьи в сообщество и участия в международных форумах, как возможности выстраивания перспектив на благо Родины. При этом, факторы предпринимательства и цифровых технологий не встроены в повседневность казачьей молодежи, несмотря на положительную связь между ними.

Рисунок 1. Положительные связи ценностей казачьей молодежи

Наибольшая плотность отрицательных связей приходится на факторы «социальной группы» (казачество) и «общество», что показывает проблематику интеграции общественных компонентов в казачество, а другими словами, поиском казачьей молодёжью места казачества в российском обществе. Религиозность имеет отрицательную связь с цифровыми технологиями, которые, в свою очередь, также не имеют связи с ценностями семьи и коммуникациями в казачестве, а предпринимательство не сочетается с традициями казачества и поэтому выпадает и системы ценностей казачьей молодёжи (рисунок 2).

Анализ показателей групповой акцентуации по результатам психологического теста как у молодых казаков, так и казачек говорит о том, что в наибольшей степени у них проявляется такая характеристика, как гипертимность (6,036585366 и 4,6 соответственно). Известно, что гипертимный тип акцентуации характера указывает на обладание мощным внутренним энергетическим ресурсом, способностью к творчеству и преобразению окружающего мира [8]. Проявляется это через активный поиск общения и интеграцию в различные обществен-

ные системы, но что оставляет за собой право на групповую идентичность (казачьи добровольческие подразделения, казачьи школы, казачьи кадетские корпуса и пр.).

В сочетании с достаточно выраженными, но далеко не пиковыми значениями по шкале параноидальности (4,658536585 и 2,32), можно говорить о выраженной способности казачек и казаков к последовательному достижению цели и преодолению возникающих препятствий (рисунок 3.). При этом, показатель по шкале параноидальности у представителей контрольной группы (студенты ИТ) составляет 2,56 и 0,9375 лиц мужского и женского пола, то есть значительно отличается от представителей казачества. То же самое относится и к показателю гипертимности (0,64 и 2,75 у студентов ИТ).

Такая разница в полученных данных показывает, что рефлексия и поведение их представителей на одно и то же событие будет существенно отличаться. Если казачья молодёжь скорее будет активно искать возможность реализации планов через социальные связи и коммуникацию, то представители ИТ-сферы, если и будут стараться достичь цели, то изберут иной метод, не связанный с активной коммуникацией.

Рисунок 2. Отрицательные связи ценностей казачьей молодёжи

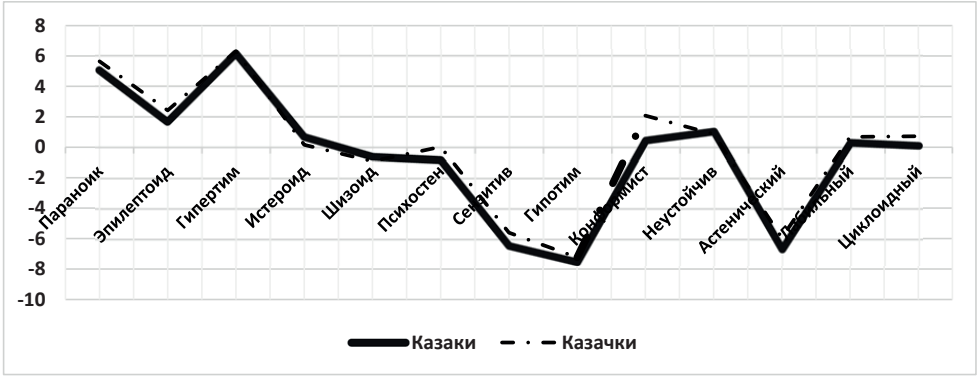

Рисунок 3. Групповая акцентуация казахьей молодежи

Из этого логически следует вывод о выраженно активной, волевой, целенаправленной жизненной позиции представителей казачества в сравнении с другими молодежными группами, что может быть объяснено историческим формированием «казачьего архетипа», проявляющегося в этнокультурной установке на защиту права отстаивать имманентные своей традиции ценности [9].

Отметим также, что по обоим рассматриваемым нами шкалам групповые показатели казахьей молодежи далеки до границы собственно акцентуированного характера, то есть представляют собой вариант нормы. При этом и казаки, и казачки демонстрируют крайне низкий уровень психической астеничности (-6,426829268 и -9,6 соответственно), что является дополнительным свидетельством их ментальной силы (среди студентов аналогичные показатели составляют -4,06 и -4,9375).

Добавим к этому, что девушки-казачки характеризуются значительно более низкой комфортностью, нежели казаки (-2,68 против 1,414634146). Парни также и несколько более неустойчивы в личностном плане, нежели девушки (-1,2 против 1,12195122). Причина такого положения вещей, с точки зрения исторического сознания, заключается в трагичности истории казаче-

ства XX века, гибели огромного числа мужчин-казаков, что в итоге привело к серьезной психологической травматизации их потомков [10].

Высокая гипертимность и параноидальность в структуре групповой идентичности при определенных условиях может способствовать, как формированию радикальных убеждений, связанных с активным и энергичным поиском объектов для агрессии и проецированием собственной «тени» на такого рода объекты, связываемые с «образом врага», но также и говорит о сохранении в казачьем сообществе высокой степени пассионарности (Л. Гумилев). В этой связи, выявляется необходимость направления этой энергии современного казачества в интересах российского общества, но только в контексте с традиционными духовно-нравственными ценностями, поскольку именно они занимают главное место в структуре ценностей этой социальной группы.

Выводы

Историческое сознание казахьей молодежи, сформированное в результате исторического пути самого российского казачества, проявляется через их ценностный выбор и характер, который включает в себя уважение к традициям и религии, следова-

ние за командирами и наставниками, а также стремление активно участвовать в жизни общества.

Политические и социальные изменения оказывали значительное влияние на развитие исторического сознания в российском казачестве, формируя его через кризисы, изменения идентичности и культурные трансформации. Казачество, находясь на пересечении множества культурных и социальных процессов, продолжает эволюционировать, адаптируясь к современным реалиям и сталкиваясь с рядом вызовов, связанных с глобализацией и изменением социокультурного контекста.

Историческое сознание, находясь в основе формирования идентичности и культуры, позволяет казачьей молодежи связывать свои индивидуальные переживания с коллективными, что делает его важным фактором для понимания процессов, происходящих в этой социальной группе. Сочетание психологических и социологических методов в исследовании ценностей и характера казачьей молодежи помогает лучше понять эмоциональное восприятие истории и ее влияние на поведение казаков в современном мире.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что крайне актуальной является различная по своим смыслам, но одновременная работа с казаками, казачками и казачьими семьями, как единым целым. Только такой подход позволит восстановить в них внутреннюю связь времен и традиций, связь друг с другом и утраченное ранее личностное равновесие как в коллективном (социологическом), так и в индивидуальном (психологическом) измерениях.

Интердисциплинарный подход, соединяющий психологию, социологию, антропологию и историческую науку, открывает новые направления научно-практической мысли в среде казачества и создает возможности для применения инновационных подходов к этой традиционной общности. Он позволяет не только выявлять особенности исторического восприятия, групповой рефлексии и проследивать изменение влияния различных социокультурных факторов, но и построить прогностическую модель развития современного казачества.

Список литературы / References

1. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 20.11.2024).

Hobsbawm E. The invention of traditions // Bulletin of Eurasia. – 2000. – No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (accessed: 11/20/2024) (In Russ.).

2. Сульжицкий И.С. Становление и развитие Memory Studies социологический проект М. Хальбвакса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 112-122.

Sulzhitsky I.S. The formation and development of Memory Studies, the sociological project of M. Halbwaks // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. pp. 112-122. (In Russ.).

3. Tajfel H., & Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), The Social Psychology of Intergroup Relations (pp. 33-47). Monterey, CA: Brooks/Cole.

4. Vygotsky, L. S. (1978). Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Harvard University Press.

5. Герман Д. Травма и исцеление. Последствия насилия – от абьюза до политического террора // Эксмо, 2024. 640 с.

Herman D. Trauma and healing. The consequences of violence – from abuse to political terror // Eksmo, 2024. 640 p. (In Russ.).

6. Вишнякова Н.А. Казачество как социальный феномен // Огарёв-Online. – 2019. №14 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazachestvo-kak-sotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 14.11.2024).

Vishnyakova N.A. Cossacks as a social phenomenon // Ogarev-Online. – 2019. – №14 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazachestvo-kak-sotsialnyy-fenomen> (date of application: 14.11.2024) (In Russ.).

7. Шилыева А.С., Курапов С.В., Заболотников М.Е., Петрова С.В. Сетевой капитал казачьей молодежи как элемент социального капитала российского казачества. Дискурс. 2022; 8(4), с. 75–90.

Shilyaeva A.S., Kurapov S.V., Zabolotnikov M.E., Petrova S.V. The Network Capital of the Cossack Youth as an Element of the Social Capital of the Russian Cossacks. Discourse. 2022; 8(4), pp. 75–90. (In Russ.).

8. Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. В.М. Лещинской// Киев : Вища школа, 1981. – 390 с.

Leonhard K. Accentuated personalities / Translated from German by V.M. Leshchinskaya// Kiev : Vishcha shkola, 1981. – 390 p. (In Russ.).

9. Шафажинская Н.Е. Этнопсихологические и духовные проявления рос-

сийского казачества в системе межкультурных коммуникаций // Культурная жизнь Юга России. 2013. №3. С. 15-18 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopsihologicheskie-i-duhovnye-proyavleniya-rossiyskogo-kazachestva-v-sisteme-mezhkulturnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 05.11.2024).

Shafazhinskaya N.E. Ethnopsychological and spiritual manifestations of the Russian Cossacks in the system of intercultural communications // Cultural life of the South of Russia. 2013. No.3. pp. 15-18 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopsihologicheskie-i-duhovnye-proyavleniya-rossiyskogo-kazachestva-v-sisteme-mezhkulturnyh-kommunikatsiy> (date of application: 05.11.2024). (In Russ.).

10. Самсонова Н.Н. Травма рассказывания в коллективной памяти культурно-этнической общности// Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. №2. С. 71-81 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travma-raskazachivaniya-v-kollektivnoy-pamyati-kulturno-etnicheskoy-obschnosti> (дата обращения: 05.11.2024).

Samsonova N.N. The trauma of storytelling in the collective memory of a cultural and ethnic community// Bulletin of the Perm University. Series: Political Science. 2023. No.2. pp. 71-81 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travma-raskazachivaniya-v-kollektivnoy-pamyati-kulturno-etnicheskoy-obschnosti> (date of application: 05.11.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Курапова Анна Сергеевна, кан.соц. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», кафедра социологии и политологии. SPIN-код: 1802-8320; ORCID ID0000-0002-2003-7439, e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru.

Курапов Сергей Владимирович, кан. соц.наук, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Управление на научно-исследовательской деятельности. SPIN-код: 5004-1747; ORCID ID0009-0007-3962-2850, e-mail: sv_ksv@mail.ru.

Богачев Алексей Михайлович, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Центр профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде. SPIN-код: 8158-0376; ORCID ID0000-0002-9430-2274, amb1976@mail.ru.

Information about authors

Kurapova Anna Sergeevna, PhD, "St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI", Department of Sociology and Political Science. SPIN-code: 1802-8320; ORCID ID0000-0002-2003-7439, e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru.

Kurapov Sergey Vladimirovich, PhD, Moscow State University of Technology and Management, Department of Scientific Research Activities. SPIN-code: 5004-1747; ORCID ID0009-0007-3962-2850, e-mail: sv_ksv@mail.ru.

Bogachev Alexey Mikhailovich, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Center for the Prevention of Extremism in Education and Youth Environment. SPIN-code: 8158-0376; ORCID ID0000-0002-9430-2274, amb1976@mail.ru.

Поступила в редакцию 05.12.2024; принята к публикации 19.12.2024.

Received 05.12.2024; Accepted 19.12.2024.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.4

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.28–33>

**Этничность и гражданственность
в структуре «Мы-концепции» юношества**

Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В.

*Уфимский университет науки и технологий, 450076, Уфа, ул. З. Валиди, д. 32,
Российская Федерация*

Аннотация. Проблема социальной идентификации личности и «Мы-концепции» является одной из наиболее популярных в современном социально-гуманитарном знании. Особое внимание исследователей привлекают вопросы этнической и гражданской идентичности россиян, их значимости и взаимодействия в «Мы-концепции» юношества. Данная тема имеет особое значение по причине ряда факторов, среди которых можно выделить поликультурный характер российской нации, современные глобализационные и геополитические процессы. Статья основана на анализе некоторых результатов опроса «Кто Я? Кто Мы? в юности», проведенного в ноябре 2023 – марте 2024 гг. методом онлайн-анкетирования в шести регионах РФ (Архангельской, Волгоградской и Тюменской областях, республиках Башкортостан, Бурятия и Удмуртия). Исследование показывает, что государственно-гражданская идентичность россиян может быть рассмотрена как иерархически структурированная система, в которой этническая, региональная и локальная идентичности выступают в качестве ее уровней. Этническая идентичность продолжает сохранять свое значение, однако несколько уступает российской идентичности. Более того, по мере взросления значимость категорий социальной идентичности (этнической, гражданской) в целом начинает уступать категориям самоидентичности.

Ключевые слова: «Мы-концепция», юношество, этничность, гражданственность, этническая идентичность, гражданская идентичность.

Для цитирования: Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Этничность и гражданственность в структуре «Мы-концепции» юношества. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2024;(4 (67)):28–33.

**Ethnicity and citizenship in the structure
of the youthful "We-concept"**

Sadretdinova E.V., Korovkina N.V.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, 450076 Russia

Abstract. The problem of social identification of an individual and the "We-concept" is one of the most popular in modern social and humanitarian knowledge. Particular attention of researchers is drawn to the issues of ethnic and civic identity of Russians, their significance and interaction in the "We-concept"

of youth. This topic is of particular importance due to a number of factors, among which are the multicultural nature of the Russian nation, modern globalization and geopolitical processes. The article is based on the analysis of some results of the survey "Who Am I? Who Are We? in Youth", conducted in November 2023 - March 2024 using the online questionnaire method in six regions of the Russian Federation (Arkhangelsk, Volgograd and Tyumen regions, the republics of Bashkortostan, Buryatia and Udmurtia). The study shows that the state and civil identity of Russians can be considered as a hierarchically structured system in which ethnic, regional and local identities act as its levels. Ethnic identity continues to retain its significance, but is somewhat inferior to Russian identity. Moreover, as people grow older, the significance of social identity categories (ethnic, civil) generally begins to yield to self-identity categories.

Keywords: "We-concept", youth, ethnicity, citizenship, ethnic identity, civil identity.

For citation: Sadretdinova E.V., Korovkina N.V. Ethnicity and citizenship in the structure of the youthful "We-concept". *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):28–33. (In Russ.)

Введение

Проблема социальной идентификации личности, являющаяся одной из наиболее популярных в научном дискурсе на протяжении многих десятилетий, тесным образом связана с вопросом о том, с какими группами индивид себя соотносит, отождествляет, с «Я-» и «Мы-концепцией». В современной литературе отмечается крайне низкий уровень теоретической разработанности «Мы-концепции». Принято считать, что одним из первых к этой теме обратился Э. Эриксон, проанализировавший механизмы «идентификации с» и «идентификации от», действие которых способствует формированию образов «Мы» и «Они».

Сегодня выдвигается тезис о единстве «Я-» и «Мы-концепции», при этом носителями последней может выступать не только личность, но и группа [5, с. 127–130]. Концепт «Мы» аккумулирует представления о консолидирующих признаках общности.

Современные исследователи подчеркивают, что «Мы-концепция» представляет собой сумму вербализированных оценочных суждений респондента о представителях тех групп и общностей, с которыми он себя соотносит, независимо от того, являются они реальными, либо номинальными [4].

Цель исследования

Оценка влияния «Мы-»концептов этничности и гражданственности на формирование идентичности современного юношества.

Методы

Исследование осуществлено на мультипарадигмальной основе: анализируя место этничности и гражданственности в структуре «Мы-концепции» российского юношества, авторы применяют принципы системного и социокультурного подходов. При написании статьи использованы некоторые результаты опроса юношества «Кто Я? Кто Мы? в юности», проведенного в ноябре 2023 – марте 2024 гг. методом онлайн-анкетирования в шести регионах РФ. Всего опрошен 3081 респондент, из них: в Архангельской области – 401, Республике Башкортостан – 1020, Республике Бурятия – 507, Волгоградской области – 411, Тюменской области – 499, Республике Удмуртия – 243. Подвыборки по возрасту: от 16 до 18 лет – 44,3%, от 19 до 21 года – 55,7%.

Результаты и обсуждения

Проанализируем некоторые результаты, полученные в ходе опроса юношества. Один из вопросов, который

был задан респондентам, звучит следующим образом: «Помимо нашего «Я» каждый может сказать о себе и «Мы». Это самые разные группы людей – от глобальных до локальных, с которыми мы так или иначе связаны. Что значит лично для Вас быть представителем указанных ниже групп людей?».

Значимость общности «российский народ» в разной степени (по сумме ответов «абсолютное значение, без них нет «Я»», «большее значение, чем «Я»», «какое-то значение, но главное – «Я»», «такое же значение, что «Я») признают более половины опрошенных (56,4%). Из числа коллективных идентичностей более высокую позицию занимает лишь группа «мое поколение» (58,8%), в то время как человечество (53,9%), представители этноса (51,8%), жители населенного пункта (45%) и региона (41%) набрали меньшее количество положительных ответов. Наиболее популярными в ответах респондентов стали примарные общности, а также реальные группы общения и взаимодействия, такие как семья (87,9%),

друзья (82,5%) и родственники (79,9%) (см. табл. 1).

Эти результаты согласуются с современным представлением о государственно-гражданской идентичности россиян как иерархически структурированной системе, в которой этническая, региональная и локальная идентичности не противоречат ей, а выступают в качестве уровней [1].

Вместе с тем, обращает внимание, что в структуре идентичности юности концепты этнической, общероссийской и глобальной идентичности отличаются большей аффективной значимостью, по сравнению с локальной (жители города, села) и региональной идентичностью (жители региона). Во-первых, молодые люди чаще в 2-2,5 раза демонстрируют гиперидентичность по данным показателям, не мысля себя вне категорий этничности, российской идентичности и человечества. Во-вторых, указанные категории на порядок реже осмысляются как формально-номинальная принадлежность. Сложившаяся ситуация,

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Помимо нашего «Я» каждый может сказать о себе и «Мы». Это самые разные группы людей – от глобальных до локальных, с которыми мы так или иначе связаны. Что значит лично для Вас быть представителем указанных ниже групп людей?», %

Суждения	Мы-группы				
	Люди моей национальности	Российский народ	Жители моего города, села	Жители моего региона	Все человечество
абсолютное значение, без них нет «Я»	6,1	8,4	3,4	3,6	10,4
большее значение, чем «Я»	4,6	6,9	3,7	3,8	6,8
какое-то значение, но главное – «Я»	21,6	19,9	24,2	20,9	16,8
не думал, не знаю	24,0	23,8	24,8	26,2	27,5
не имеет значения, это формальность	24,2	19,8	30,2	32,3	18,6
такое же значение, что «Я»	19,5	21,3	13,7	13,2	19,8

возможно, обусловлена тем, что этническая идентичность является одной из базовых в структуре идентичности, с ней связаны процессы инкультурации и первичной социализации личности. Актуализация общероссийской идентичности, возможно, обусловлена текущими геополитическими процессами, содействующими интеграции российских граждан, а также усилиями государства, ведущей задачей национальной политики которого провозглашено укрепление общероссийской идентичности. Повышение значимости глобальной идентичности у юношества, вероятно, связано с процессами глобализации и развитием информационно-коммуникативных технологий. Что касается локальной и региональной идентичности, в настоящее время в связи с усилением миграционных процессов, в том числе образовательной и трудовой миграцией юношества, когда далеко не все выпускники после получения профессионального образования возвращаются на малую родину, не вызывает удивления падение значимости этих компонентов в структуре идентичности.

Оценивая гендерные различия, отметим, что в структуре идентичности юношей показатели социальной идентичности («Мы»-концепты) более выражены, чем у девушек, у которых преобладают показатели самоидентичности (Я-концепты). Так, не мыслят себя вне своей национальности 9,0% юношей и 4,5% девушек. Этническая идентичность преобладает над самоидентичностью у 7,3% юношей и 3,2% девушек. Не мыслят себя вне российской идентичности 11,2% юношей и 6,9% девушек. Российская идентичность доминирует над самоидентичностью у 9,6% юношей и 5,4% девушек. Аналогичная ситуация складывается и с глобальной идентичностью: не мыслят себя вне человечества 12,3% юношей и 9,4% девушек. Глобальная идентичность преобладает

над самоидентичностью у 8,8% юношей и 5,8% девушек. Иными словами, если юноши осознают себя, прежде всего, представителем определенных социальных групп, то в идентичности девушек преобладают категории физических характеристик и личностных качеств («я – красивая», «я – умная, коммуникабельная» и др.).

Говоря о возрастных различиях, отметим, что по мере взросления значимость категорий социальной идентичности в целом начинает уступать категориям самоидентичности. Так, считают этническую идентичность простой формальностью 22,2% 16-18-летних и 25,8% 19-21-летних. Номинальной является общероссийская идентичность для 17,0% 16-18-летних и 22,0% 19-21-летних. Не имеет значения глобальная идентичность для 16,7% 16-18-летних и для 20,2% 19-21-летних молодых людей.

Отвечая на вопрос о связи с различными Мы-группами, указывающими на значимость соответствующего вида коллективной идентичности, высокие показатели продемонстрировали респонденты из Архангельской области, несколько менее активно отвечали жители Волгоградской области. Во всех регионах, принявших участие в опросе, преобладающей среди рассматриваемых является российская идентичность. В целом по выборке, иерархия идентичностей выглядит следующим образом: государственная, глобальная, этническая, локальная и региональная.

Архангельская область является лидером по всем показателям, кроме связи с общностью «русский народ», – несколько чаще о ее значимости заявляли жители Волгоградской области (63,8% против 62,3%). Уступает им Удмуртия (58,0%), а замыкают этот список почти на 10% отстающие от лидеров Тюменская область (54,1%), Башкортостан (53,7%) и Бурятия (52,7%).

Согласно данным исследований, проводившихся в 1990-е гг., основной

макроидентичностью выступала этническая [3]. Сегодня в среде юношества этническая идентичность уступает государственно-гражданской идентичности, отвечающей интересам национальной безопасности, и глобальной (связи с человечеством в целом), усиливающей свои позиции под влиянием глобализационных процессов.

Распространено мнение о том, что этническая идентичность выступает основанием, опорой для российской идентичности [2]. По результатам опроса 2023-2024 гг. более половины опрошенных юношей признали связь со своей этнической группой в Архангельской (57,6%) и Волгоградской областях (55,2%), республиках Удмуртия (53,1%) и Башкортостан (51,9%), в то время как Бурятия (48,5%) и Тюменская область (47,3%) не смогли преодолеть этот рубеж.

Выводы

В структуре идентичности современного юношества «Мы»-концепты (связь с социальными группами) сохраняют определенное влияние. Уступая позиции связям с примарными группами (семья) и группами близкого общения (родственники, друзья) связи с большими социальными группами образуют следующую иерархию по мере ослабления значимости: государственная, глобальная, этническая, локальная и региональная идентичности. При этом в структуре идентичности юношей показатели социальной идентичности («Мы»-концепты) более выражены, чем у девушек, у которых преобладают показатели самоидентичности (Я-концепты). Кроме того, по мере взросления значимость категорий социальной идентичности в целом начинает уступать категориям самоидентичности.

Список литературы / References

1. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. 248 с. URL: https://identityworld.ru/Monograhii/Rossiskaya_identichnost_na_Severnom_Kavkaze.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

Russian Identity in the North Caucasus / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyauseva, A. Shadzhe; edited by A.Yu. Shadzhe. Moscow: Social and Humanitarian Knowledge; Maykop, Quality, 2010. 248 p. URL: https://identityworld.ru/Monograhii/Rossiskaya_identichnost_na_Severnom_Kavkaze.pdf (accessed: 25.11.2024).

2. Рыжова С.В. К 90-летию со дня рождения Леокадии Михайловны Дробизжевой (1933-2021). Этносоциологическая школа Л.М. Дробизжевой: формирование подходов к изучению российской идентичности. *Социологический журнал*. 2023. Том 29. №1. С. 36-54. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2>.

Ryzhova S.V. On the 90th Anniversary of the Birth of Leokadia Mikhailovna

Drobizheva (1933-2021). *Ethnosociological School of L.M. Drobizheva: Formation of Approaches to the Study of Russian Identity. Sociological Journal*. 2023; Vol. 29 (1): 36-54. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2>.

3. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

Ryzhova S.V. Ethnic identity in the context of tolerance. Moscow, Alfa-M, 2011. 280 p.

4. Шайхисламов Р.Б. Родина в «Мы-концепции» молодого поколения. *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-v-my-kontseptsii-molodogo-pokoleniya> (дата обращения: 28.11.2024).

Shaikhislamov R.B. Homeland in the "We-concept" of the young generation. *News of universities. Sociology. Economics. Politics*. 2021; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-v-my-kontseptsii-molodogo-pokoleniya> (accessed: 28.11.2024).

5. Шевченко Н.А. К вопросу о Мы-концепции группы и личности // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы XXVI международной научно-практической конференции. Прага, Чешская республика: WORLD PRESS s.r.o., 2020. С. 127-130.

Shevchenko N.A. On the issue of the We-concept of group and personality // Russia and Europe: the connection between culture and economics: Proceedings of the XXVI international scientific and practical conference. Prague, Czech Republic: WORLD PRESS s.r.o., 2020. P. 127-130.

Информация об авторах

Садретдинова Эвеллина Винаеровна, кан.соц.наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, Институт гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии и работы с молодежью. Author ID 729969; ORCID ID0000-0003-1665-5370, e-mail: golichev@mai.ru

Коровкина Наталья Владимировна, старший преподаватель, Уфимский университет науки и технологий, Институт гуманитарных и социальных наук, кафедра социологии и работы с молодежью. Author ID 693180; ORCID ID0000-0003-1716-109X, e-mail: korovkina-natalya@list.ru

Information about authors

Sadretdinova Evellina Vinerovna, PhD, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Institute of Humanities and Social Sciences, Department of Sociology and Youth Work. Author ID 729969; ORCID ID0000-0003-1665-5370, e-mail: golichev@mai.ru

Korovkina Natalya Vladimirovna, Senior lecturer, Ufa University of Science and Technology, Institute of Humanities and Social Sciences, Department of Sociology and Youth Work. Author ID 693180; ORCID ID0000-0003-1716-109X, e-mail: korovkina-natalya@list.ru

Поступила в редакцию 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.
Received 05.12.2024; Accepted 20.12.2024.

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.34-43>

**Привлекательность мегаполиса
для профессиональной самореализации молодежи
на примере Нижнего Новгорода
(на материале социологического исследования)**

Шмелева Н.В., Павликов А.А., Абрамычев М.М.

*Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина (Мининский университет),
603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается ценностная значимость мегаполиса для профессиональной и творческой самореализации студенческой молодежи. Основу анализа составляют результаты социологического исследования по теме «Профессиональное самоопределение студенческой молодежи Нижнего Новгорода», проведенного в сентябре-октябре 2024 года среди обучающихся ведущих вузов Нижнего Новгорода. В ходе исследования были определены ценностные ориентиры современной молодежи, обозначены перспективы их дальнейшей профессиональной самореализации, проанализированы взгляды студентов на желаемые характеристики региона проживания после получения образования, а также выделены преимущества и недостатки Нижнего Новгорода. Исследование показало, что для большинства респондентов Нижний Новгород является городом, в котором они видят возможности для своего творческого и профессионального роста. Показательно, что образ Нижнего Новгорода в оценках студентов выглядит весьма комфортным для проживания, а представленные в университетах города образовательные программы привлекают молодежь из других регионов. Результатом исследования является вывод о существовании корреляции между ценностными критериями и условиями жизни современного мегаполиса. Данная корреляция, с одной стороны, отражается в статусе «привлекательности» или «непривлекательности» мегаполиса, с другой стороны, должна использоваться для плавной интеграции молодежи в парадигму традиционных духовно-нравственных ориентиров страны.

Ключевые слова: высшее образование, профориентация, социологическое исследование, ценности молодежи, традиционные ценности

Для цитирования: Шмелева Н.В., Павликов А.А., Абрамычев М.М. Привлекательность мегаполиса для профессиональной самореализации молодежи на примере Нижнего Новгорода (на материале социологического исследования). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024;(4 (67)):34–43.

Attractiveness of Nizhny Novgorod for the professional self-realization of the youth (based on the sociological research)

Shmeleva N.V., Pavlikov A. A. Abramychev M.M.

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1, Russian Federation*

Abstract. In this article we consider the value significance of the megacity for professional and creative self-realisation of student youth. Our analysis is based on the results of a sociological study on the topic 'Professional self-determination of student youth of Nizhny Novgorod', conducted in September-October 2024 among students of leading universities of Nizhny Novgorod. In the course of the study we identified the value orientations of modern youth, outlined the prospects of their further professional self-realisation, analysed the students' views on the desired characteristics of the region of residence after education, as well as highlighted the advantages and disadvantages of Nizhny Novgorod. Our research has shown that for the majority of respondents Nizhny Novgorod is the city where they see opportunities for their creative and professional growth. It is indicative that the image of Nizhny Novgorod in the students' assessments looks very comfortable for living, and the educational programmes presented in the universities of the city attract young people from other regions. The study results in the conclusion that there is a correlation between the value criteria and the living conditions of a modern megacity. This correlation, on the one hand, is reflected in the status of 'attractiveness' or 'unattractiveness' of the megacity, on the other hand, should be used for smooth integration of young people into the paradigm of traditional spiritual and moral guidelines of the country.

Keywords: higher education, career guidance, sociological research, youth values.

For citation: Shmeleva N.V., Pavlikov A.A. Abramychev M.M. Attractiveness of Nizhny Novgorod for the professional self-realization of the youth (based on the sociological research). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):34–43. (In Russ.)

Введение

Система ценностных ориентиров современной молодежи является достаточно изменчивой, что вызывает необходимость проведения системных исследовательских процедур, позволяющих выявить причины и выработать возможные векторы стабилизации мировоззренческой ситуации. Отдельного внимания заслуживают исследования, затрагивающие аспекты взаимовлияния городских пространств и ценностных критериев жителей современных мегаполисов. Важность данного направления ис-

следований, затрагивающего влияние городского культурного пространства на формирование традиционных ценностей современной молодежи [1], подчеркивает реализация стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [2]. В частности, на основе анализа вовлеченности молодежи в процесс формирования комфортной городской среды Косыгина К.Е. и Жданова А.Э. предлагают создать региональную молодежную

ассоциацию по развитию комфортной городской среды [3].

Исследуя городскую идентичность, Правоторова А.А. и Кондратьева У.Г. используют термин «социальная желательность» в плане оценки удовлетворенности жителя города условиями своего обитания и заключают, что «отличительной особенностью городской идентификации являются свойства самой городской среды: разнообразие, открытость, доступность, которые позволяют свободно осуществлять выбор в построении жизненных сценариев и средств их осуществления, осознанно участвовать в городских процессах, максимально используя возможности среды» [4, с. 76].

Для укрепления традиционных ценностей большое центральное значение имеет социально-экономический и культурный статус города, который основывается на территориальной индивидуальности и имеющихся ресурсах (народ, этос, историческое наследие, уровень социального и экономического развития, природные ресурсы, управленческий и инвестиционный потенциал). По мнению Понукалиной О.В. и Логиновой Л.В., для изучения статуса города важен «имидж территории», который трактуется авторами как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, складывающихся на основе сопоставления воспринимаемых характеристик территории, собственного опыта людей и транслируемых слухов» [5, с. 66].

Молодежь является наиболее активной группой населения, влияющей на развитие городского пространства. Исследование удовлетворенности молодежи городской инфраструктурой является важной составляющей оценки города.

Методы

Настоящая работа основана на результатах социологического исследова-

ния «Профессиональное самоопределение студенческой молодежи Нижнего Новгорода», проведенного в сентябре-октябре 2024 года среди обучающихся пяти ведущих вузов Нижнего Новгорода (НГПУ им. К. Минина, ННГАСУ, ПИМУ, НГТУ им. Р. Алексеева, ННГУ им. Н.И. Лобачевского (университеты перечислены в порядке уменьшения количества участников исследования). Метод сбора информации – анкетный опрос студентов 1–5 курсов очной формы обучения различных направлений подготовки. Количество опрошенных 1230 студентов. Выборка целевая, квотная по полу, возрасту, курсам обучения и вузам города.

Анкета состояла из 4 блоков. Первый был посвящен выявлению уровня образования, а также степени осознанности поступления в высшее учебное заведение. Второй блок составляли вопросы, позволяющие понять степень осведомленности студентов о выбранной специальности и факторах, повлиявших на выбор будущей профессии. Третий блок посвящен исследованию ценностных оснований студенческой молодежи. Четвертый – описанию желаемого региона будущей профессиональной самореализации.

Вопросы были составлены на выявление количественных и качественных характеристик. Часть вопросов представляли собой утверждения, которые респондент должен был оценить по трехбалльной шкале, т.е. ответы на вопросы предполагали три варианта: «знаю», «не знаю», «затрудняюсь ответить» и по шестибалльной шкале («самое важное», «важное», «относительно важное», «безразлично», «не важное», «самое неважное»). Часть вопросов были составлены в соответствии с методикой ранжирования, то есть респонденту предлагалось расположить перечень предложенных характеристик по порядку убывания (или возрастания).

Результаты и обсуждения

В декабре 2022 г. ВЦИОМ представил результаты опроса о ценностях и приоритетах молодежи, показывающие, что важнейшими жизненными ориентирами российской молодёжи являются следующие: высокий уровень благополучия (58%), спокойная жизнь (54%) и возможность приносить пользу своему народу (26%) [6]. В опросе ВЦИОМ от декабря 2023 г., отражающим отношение граждан России к традиционным ценностям, отдельно акцентируется внимание на том, что молодые люди до 25 лет направлены в «сторону современности (53% против того, чтобы всегда следовать традиционным духовным принципам)» [7]. Таким образом, можно отметить нахождение современной молодежи в ситуации неопределенности, поскольку ее ориентация на западные ценности сопровождается резкой трансформацией внешней среды: изменение функциональной роли социальных институтов современной России, планомерный отказ от вестернизации культуры и ценностей, внешнеполитическая нестабильность и т.д. Как итог, процесс поляризации ценностных систем в современной России набирает обороты, что проявляется, например, в столкновении разных нравственных ориентиров («коллективизм-индивидуализм»).

В частности, данную тенденцию отражает проведенный в Нижнем Новгороде опрос, демонстрирующий направленность ценностных ориентиров в пользу личного восприятия себя и своей семьи. Согласно результатам опроса (таб. 1), смысложизненные ценности нижегородских студентов связаны, в первую очередь, со своим здоровьем (29%) и семейным благополучием (25,9%). По данному параметру студентам предлагалось каждый вариант ответа ранжировать по 6-балльной шкале («самое важное», «важное», «относительно важное», «безразлично», «не важное», «самое неважное»).

Результат исследования показывает, что наименьший интерес представляет «труд на благо общества». Таким образом, можно заключить, что нижегородский студент в меньшей степени ориентирован на социальные ценности, а в большей степени переживает за свое здоровье и благополучие семьи.

Таблица 1
**Смысложизненные ценности
респондентов
(ранжирование («самое важное»))**

Варианты ответа		% ответов «самое важное»
1	здоровье	29
2	семейное благополучие	25,9
3	интересная работа	22,1
4	возможность самореализации	21,8
5	высокий доход	21,4
6	престижность работы	17,7
7	труд на благо общества	16,7

Следует заметить, что на сегодняшний день отдельного внимания заслуживает тема образования, профориентации и подготовки квалифицированных кадров, поскольку данный вектор работы не только способствует решению имеющихся проблем производительности труда, но и утверждает созидательный труд в качестве смыслообразующей ценности. На основе анализа Тощенко Ж.Т. можно сделать вывод о наличии корреляции между образованием и профессиональной самореализацией, и ценностной парадигмой, поскольку, например, имеющийся принцип перехода из университета к трудовой деятельности «соответствует неолиберальной идеологии — человек полностью отвечает сам за свою судьбу» [8, с. 36]. Кроме того, возможность получения качественного образования и успешного трудоустройства является важной составляющей привлекательности мегаполиса.

Конструирование молодежью собственных жизненных стратегий в сфере образования и труда Зубок Ю.А. и Чупров В.И. характеризуют следующим образом: «нынешнее поколение живет со сложившимся ожиданием нестабильного трудового пути, более длинного перехода к гарантированной занятости и, как следствие, опасением планирования в отношении работы или семейной жизни на долгую перспективу [9, с. 20]. Показательно, что респонденты после окончания обучения планируют развивать свои профессиональные навыки (таб. 1.), повышая квалификацию (40,2%), продолжая обучения по выбранной специальности (26,6%) и получая новое образование (13,5%). Таким образом, можно заметить, что получение образования на данном этапе (бакалавриате) – лишь начало профессионального образования, что соответствует выводам Дидковской Я.В., Трыновой Д.В., Чистяковой П.А. о специфике профессиональных стратегий современной молодежи. Они заключают, что «профессиональные стратегии молодежи представляют собой широкий набор личностных диспозиций молодых людей, регулирующий как выбор конкретных значимых целей профессиональной жизни и способов их достижения, так и поиск возможного направления

своей профессиональной траектории в целом» [10, с. 64].

Исходя из выбранной профессии важным можно назвать выбор региона для дальнейшего профессионального роста и совершенствования будущих выпускников. Результаты опроса по значимым факторам привлекательности региона (таб. 2.) показывают, что современная молодежь не особо серьезно подходит к выбору своего дальнейшего места жительства. В вопросах с вариантом ответов «да»/«нет» доминируют ответы с коннотацией «не важно». Наиболее значимыми оказались «высокая зарплата» (61,5%), «доступное жилье» (46,8%), «безопасность» (40%) и «развитая инфраструктура» (38%). Показательно, что самым неважным критерием оказался дефицит специалистов по получаемой профессии (11,4%), что свидетельствует о сфокусированы на том, что происходит в настоящее время. Такое восприятие настоящего во многом объяснят проведенное Клементьевой М.В. исследование о приоритете виртуальной идентичности над онлайнсамореализацией [11].

Наиболее значимыми можно назвать результаты опроса о конкретном регионе проживания (таб. 4.). Опрос показал, что почти половина респондентов желаемым регионом для проживания выбрали Нижний Новго-

Таблица 1
Планы после получения образования (диплома)

Варианты ответа		%
1	Пойти на курсы повышения квалификации	40,2
2	Продолжить обучение по выбранной специальности	26,6
3	Получить второе/третье образование	13,5
4	Открыть свой бизнес	6,3
5	Попробовать реализовать себя в другой сфере	6,2
6	Пойти на курсы переподготовки	2,6
7	Посвятить себя семье	2,4
8	Пойти в армию	1,3
9	Включиться в семейный бизнес	0,9

Таблица 2

**Значимые факторы выбора региона
Вашей профессиональной самореализации**

Варианты ответа		% ответов «да» по каждому варианту
1	высокие зарплаты	61,5
2	доступное жилье	46,8
3	безопасность	40,0
4	развитая социальная инфраструктура	38,0
5	семейные обстоятельства	26,6
6	промышленно развитый регион	18,3
7	привлекательный туристическо-развлекательный и рекреационный кластер	17,9
8	желание внести посильный вклад в развитие данного региона	16,2
9	государственные социальные программы	15,9
10	экология	14,9
11	фактор дефицита специалистов Вашей профессии	11,4

Таблица 3

Желаемый регион для профессиональной самореализации

Варианты ответа		%
1	Нижний Новгород	48,7
2	Города Федерального значения	19,3
3	Нижегородская область	11,4
4	Мне все равно, где жить	10,1
5	Малая родина	3
6	Дальнее зарубежье	3
7	Иные регионы РФ	2,9
8	Ближнее зарубежье	1,5

род (48,7%) и Нижегородскую область (11,4%), 19,3% респондентов хотят самореализоваться в профессиональной сфере в Москве, Санкт-Петербурге). Желающих покинуть Россию оказалось менее 10%. Тут стоит обозначить тот факт, что среди опрошенных было 50 иностранных студентов, которые после окончания обучения планируют вернуться на родину.

Одним из самых значимых для описания Нижнего Новгорода был блок вопросов «Какие бы Вы назвали преимущества или недостатки Нижнего Новгорода?» (таб. 5.), в котором студентам предлагалось указать пре-

имущество или недостатки того или иного критерия характеристики Нижнего Новгорода. В первую очередь, к преимуществам респонденты культурные особенности, которые можно упаковать в следующие рубрики: история, архитектура, туризм и культурные мероприятия. Подобное видение подчеркивает необходимость воспроизводства культурной жизни в мегаполисах для современной молодежи. В то же самое время именно данные составляющие городской среды являются определяющими факторами интеграции молодежи в парадигму традиционных духовно-нравственных

Таблица 4

Преимущества Нижнего Новгорода

Варианты ответа		% ответов «да» по каждому варианту
1	красивые виды и ландшафт	97,6
2	богатое историческое прошлое	97,2
3	архитектурное наследие	95,6
4	организованный досуг для молодежи	89,4
5	благоустройство	88,3
6	возможности самореализации молодежи	88,1
7	туристическо-развлекательный кластер	87,1
8	развитая инфраструктура	84,9
9	возможность трудоустройства по профессии	84,6
10	развитый промышленный комплекс	84,1
11	безопасность	82,6
12	широкий рынок труда	82,0
13	возможности участия в органах местного самоуправления	75,0
14	высокие зарплаты	59,9
15	экология	59,3
16	доступное жилье	45,5
17	транспорт, дороги	30,4

ориентиров страны. Также показательно, что, помимо культурных особенностей, респонденты выделили следующие преимущества: «возможности самореализации молодежи», «развитая инфраструктура», «возможность трудоустройства по профессии» и «широкий рынок труда». Данные аспекты, с одной стороны, высвечивают характер оценивания молодежью привлекательности мегаполиса, но, с другой стороны, подчеркивают корреляцию между развитием комфортной городской среды и усваиванием ценностных ориентиров.

Выводы

Исходя из результатов социологического опроса можно сделать следующие выводы:

1. Основными жизненными ориентирами для студенческой молодёжи являются здоровье и семейное благополучие, что является маркером замкнутости молодежи на себе и своем

окружении в ущерб общественно-значимых ценностей.

2. Студенты не предъявляют высоких требований к региону своего проживания, предпочитая знакомый им Нижний Новгород и Нижегородскую область для дальнейшего своего профессионального совершенствования, также студенты не выстраивают перспективы на отдаленное будущее, сосредотачивая свое внимание на «здесь и сейчас».

3. Студенты очень оптимистично характеризуют Нижний Новгород как среду своего обитания, выделяя в нем те стороны, которые соответствуют основным критериям «привлекательности» мегаполиса: благоустройство, культурная жизнь, инфраструктура и т.д. Данные критерии непосредственно способствуют профессиональной самореализации молодежи.

4. Выделенные студентами преимущества Нижнего Новгорода подчеркивают взаимосвязь развития комфортной городской среды и усво-

ения традиционных ценностных ориентиров российского культурного пространства, отраженных в соответствующем Указе (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений) [2].

Заключение

Общая ситуация мировоззренческой неопределенности в современной России, затрагивающая преимущественно молодых людей до 25 лет, приводит нас к осознанию необходимости выработки механизмов стабилизации и плавной интеграции молодежи в пространство традиционных духовно-нравственных ориентиров страны. На основе проведенного исследования «Профессиональное самоопределение студенческой молодёжи Нижнего Новгорода» можно сделать вывод не только о верности обозначенной перспективы, поскольку ценностные ориентиры студенты сосредоточены на себе и своем ближайшем окружении, но также и об имеющейся корреляции между процессами развития комфортной городской среды и усвоением традиционных ценностей.

Привлекательность мегаполисов, как показали результаты опроса нижегородских студентов, не в последнюю очередь основывается на наличии возможности профессиональной самореализации. Профессиональная

самореализация, как было показана, напрямую связана с ценностной парадигмой, поскольку имеющаяся на данный момент структура профессиональной ориентации основывается на западной неolibеральной модели. Поэтому можно заключить, что современные мегаполисы следует рассматривать не только с точки зрения возможности реализации стратегий по улучшению эффективности производительности труда, но также в качестве важного контекста усвоения традиционных смысловых доминант страны. В этой связи возможность профессиональной самореализации идет рука об руку с наличием условий для построения семьи, которую следует рассматривать в виде действенного механизма по формированию у подрастающего поколения традиционных российских духовно-нравственных ценностей [12].

Таким образом, привлекательность мегаполисов для современной молодежи имеет многосоставной характер. Возможность профессиональной самореализации является определяющим элементом для выбора места проживания наряду с другими аспектами, составляющими в своей основе выражение ценностных ориентиров людей. В соответствии с последним, с нашей точки зрения, необходимы новые инициативы по расширению ценностных ориентиров молодежи в сторону традиционных ценностей, которые смогли бы дополнить происходящие в настоящее время процессы благоустройства городской среды.

Список литературы / References

1. Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов городской среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://100gorodov.ru/standart> (дата обращения 1.12.2024).

Standard for citizen engagement in urban environmental issues. URL: <https://100gorodov.ru/standart> (accessed: 01.12.2024) (In Russ.)

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 01.12.2024).

Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed: 01.12.2024) (In Russ.)

3. Косыгина К.Е., Жданова А.Э. Формирование комфортной городской среды в регионе: особенности вовлеченности молодежи и инструменты развития // *Социология города*. – 2024. – № 3. – С. 28–45

Kosygina K.E., Zhdanova A.E. Formation of a comfortable urban environment in the region: features of youth involvement and development tools // *Sociology of the city*. – 2024. – № 3. – S. 28–45 (In Russ.)

4. Правоторова А.А., Кондратьева У.Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // *Творчество и современность*. – 2018. – № 2 (6). – С. 69–79.

Pravotorova A.A., Kondrat'eva U.G. Theoretical Foundations of Urban Identity Research // *Creativity and modernity*. – 2018. – No. 2 (6). – pp. 69–79. (In Russ.)

5. Понукалина О.В., Логинова Л.В. Имидж территории в контексте повышения туристкой привлекательности региона // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. – 2016. – № 1 (31). – С. 65–72.

Ponukalina O.V., Loginova L.V. Territory image in the context of increasing the tourist attractiveness of the region // *Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*. – 2016. – No. 1(31). – pp. 65–72. (In Russ.)

6. ВЦИОМ: Ценности молодежи. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 01.12.2024)

VTSIOM: Values of youth. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (accessed: 01.12.2024) (In Russ.)

7. ВЦИОМ: Традиции в эпоху перемен. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения 01.12.2024)

VTSIOM: Traditions in the Age of Change. URL: [\[cal-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen\]\(https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen\)](https://wciom.ru/analyti-</p>
</div>
<div data-bbox=)

8. Тощенко Ж.Т. Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 1. С. 28–42.

Toshchenko J.T. Forms of participation of higher education in solving labour productivity problems // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2024. T. 24, № 1. pp. 28–42. (In Russ.)

9. Zubok Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 3. – С. 13–41.

Zubok YU.A., Chuprov V.I. Life Strategies of Young People: Fulfillment of Expectations and Social Moods // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. – 2020. – No. 3. – pp. 13–41. (In Russ.)

10. Дидковская Я.В., Трынов Д.В., Чистяков П.А. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего // *Социологические исследования*. – 2023. – № 9. – С. 63–77.

Didkovskaya YA.V., Trynov D.V., Chistyakov P. A. Professional strategies of students in the context of the image of the social future // *Sociological research*. – 2023. – No. 9. – pp. 63–77. (In Russ.)

11. Клементьева М.В. Связь смысловых ориентаций и виртуальной идентичности у студентов вузов // *Познание и переживание*. – 2024. – Т. 5. – № 2. – С. 33–46.

Klement'eva M.V. The relationship between life-meaning orientations and virtual identity in university students // *Cognition and experience*. – 2024. – Vol. 5. – No. 2. – pp. 33–46. (In Russ.)

12. Свадьбина Т.В., Немова О.А. Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей // *Вестник Мининского университета*. 2023. Т. 11, № 4(45).

Svadbina T.V., Nemova O.A.. Russian family as a keeper and translator of traditional national values // *Vestnik of Minin University*. 2023. T. 11, № 4(45). (In Russ.)

Информация об авторах

Шмелева Наталья Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры филологии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Author ID: 57190966392, ORCID ID: 0000-0001-8822-7629, email: shmelevanv@mail.ru

Павликов Александр Алексеевич, магистрант, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), alexnomadpavlikov@gmail.com

Абрамычев Михаил Михайлович, преподаватель кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Author ID: 1136769, ORCID ID: 0000-0003-0043-0644, e-mail: abramychevmm@gmail.com

Information about authors

Shmeleva Natalya Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate

Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Author ID: 57190966392, ORCID ID: 0000-0001-8822-7629, e-mail: shmelevanv@mail.ru

Pavlikov Alexander Alekseevich, master's student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, alexnomadpavlikov@gmail.com

Abramychev Mikhail Mikhailovich, lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Author ID: 1136769, ORCID ID: 0000-0003-0043-0644, e-mail: abramychevmm@gmail.com

Поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 23.12.2024.

Received 11.11.2024; Accepted 23.12.2024.

5.7.1 Онтология и теория познания (философские науки)

Научная статья

Research article

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.44–52>

**Осмысление проблемы сознание – мозг
в рамках материалистической онтологии**

Гарифзянова Д.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к вопросам соотношения ментально-психического и материально-физического в рамках проблемы сознание-мозг. Акцентируется внимание на осмыслении ментальных феноменов с точки зрения материалистической онтологии. Автор на примере редуктивных теорий сознания (теории тождества, функционализма) выявляет ряд сложностей, которые возникают при попытке объяснения нефизических (ментальных) феноменов в форме физического сущего. Подчеркивается, что понимание ментально-психических феноменов в рамках нередуктивного материализма (первичный и вторичный дуализм свойств) сохраняет уникальность ментального и не противоречит материалистической онтологии. Рассмотрение автором проблемы сознание-мозг с точки зрения информационного подхода в форме вторичного дуализма свойств представляется наиболее перспективным направлением для построения теории сознания в рамках материалистической онтологии.
Ключевые слова: «mind-body problem», сознание, ментальное, материализм, информационные процессы.

Для цитирования: Гарифзянова Д.С. Осмысление проблемы сознание – мозг в рамках материалистической онтологии. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2024; (4 (67)):44–52.

**Comprehension of the consciousness – brain problem
within the framework of materialist ontology**

Garifzyanova D.S.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article considers the main approaches to the issues of the correlation of mental-psychic and material-physical within the framework of the problem of consciousness-brain. Attention is emphasized on the comprehension of mental phenomena from the point of view of materialistic ontology. The author, using the example of reductive theories of consciousness (identity theory, functionalism), reveals a number of difficulties that arise when trying to explain non-physical (mental) phenomena in the form of physical being. It is emphasized that the understanding of mental-psychic phenomena within the framework of non-reductive materialism (primary and secondary duality

properties) preserves the uniqueness of the mental and does not contradict materialist ontology. The author's consideration of the consciousness-brain problem from the point of view of the information approach in the form of secondary duality properties seems to be the most promising direction for the construction of a theory of consciousness within the framework of materialist ontology.

Keywords: “mind-body problem”, consciousness, mental, materialism, information processes.

For citation: Garifzyanova D.S. Comprehension of the consciousness – brain problem within the framework of materialist ontology. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):44–52. (In Russ.)

Проблема сознание-мозг или в аналитической философии «mind-body problem» является наиболее сложной. С одной стороны, ментально-психические феномены по своей сущности отличаются от всех остальных явлений реальности. С другой стороны, остаются тесно связанными с физическими процессами, происходящими в мозгу.

Материалистический монизм утверждает, что в онтологическую основу мира положена физическая материя. Согласно этой позиции все явления и процессы во Вселенной имеют физическую природу и обуславливаются физическими причинами. В сложно организованных физических системах законы более высокого порядка выводятся из физических закономерностей.

Материалистическая онтология предлагает два подхода к вопросу о сводимости или несводимости ментально-психического к материально-физическому:

- нередуктивный материализм постулирует, что сознание несводимо к нейронным процессам и не существует согласно законам физического сущего. В данном контексте ментальное не отождествляется с физическим и не может быть описано в модусе физического бытия;

- редуктивный материализм постулирует, что сознание можно свести к нейронным процессам физического сущего. В свою очередь редуктивный материализм может быть сильным

и слабым. Согласно сильному варианту нейронные процессы, протекающие в мозгу, тождественны сознанию и существуют как физические феномены. Ментальное наделяется физическими свойствами и подчиняется законам физического сущего. Слабый редуктивный материализм отождествляет сознание и нейронные процессы, протекающие в мозгу, но ментальное не является материально-физическим феноменом и существует иначе, чем физическое сущее.

Редуктивные концепции сознания

Теория тождества представляет собой теорию сознания, в которой сознание = работе мозга. Свойства и характеристики ментального сводятся к свойствам и характеристикам физических процессов, которые проходят на уровне нейронной активности мозга. Согласно данной теории ментальное по сущности становится тождественным нейрофизиологическим, биоэлектрическим процессам, протекающим в головном мозгу человека.

К представителям теории тождества можно отнести: Д.Льюиса, Ю.Плейса, Д.Армстронга, Д.Смарта и др. В своих исследованиях они опираются на перевод феноменов ментально-психической жизни субъекта на язык физики без потери сущностного содержания. Нейронное и ментальное описание какого-либо события соответствует од-

ним и тем же явлениям физического порядка. Признавая данное тождество, мы постулируем, что ментально-психическое есть определенный вариант физического сущего.

Минус данного подхода в том, что проблема сознание-мозг в рамках теорий тождества становится нерелевантной. В рамках данной концепции любая физическая система, обладающая разными свойствами, реализует какие-то функции, совершает некие действия, которые являются способами ее бытия. Бессмысленно дискутировать о взаимодействии системы с ее физическими характеристиками.

В данном случае возникают несколько вопросов, которые требуют аргументированного объяснения: во-первых, феноменальное содержание ментально-психических феноменов теряют свою уникальность и сводятся к сущностям физического порядка, во-вторых, даже если отождествить ментальное с физическим, остается непонятным почему ментальное не обладает физическими характеристиками и не локализуется в пространстве.

Например, если мы говорим о пространственной локализации материально-физического, которое сопровождает визуализацию восприятия музыкальной пьесы Д.Кабалевского «Клоуны» (указываем определенные области мозга, которые возбуждаются при прислушивании произведения), то сталкиваемся с онтологическим разрывом между физическим и ментальным. Мы не в состоянии пространственно локализовать субъективно-феноменальные переживания, которые возникают в результате визуализации сочинения.

Под визуализацией мы понимаем вынесение в процессе познавательной деятельности из внутреннего плана во внешний мыслеобразов, форма которых стихийно определяется ассоциативной проекцией [5, с.265-266].

Соответственно, процесс разворачивания смысло-образа представляет собой проекцию феноменально-субъективных переживаний на основе взаимодействия физического (прослушивание определенного произведения) и психического (субъективный опыт)

Признавая тождество мозга и сознания, мы сталкиваемся с противоречием, которое касается субъективного опыта (в сознании действительно существует ментально-психические переживания восприятия пьесы «Клоуны», а не просто нейронные процессы).

Обратимся к функционализму, который стал популярен на волне развития компьютерных технологий. Представители функционализма Дж.Фодор, Д.Деннет, Д.Дубровский, Х.Патнем и др. в своих исследованиях пишут о том, что ментальные состояния = функциональным состояниям, которые реализуются на физическом носителе. Функция — это каузальное отношение между входящим и выходящим событием. В таком случае физический носитель не обязательно должен быть органического происхождения. Функционализм предполагает, что поведение человека не отличается от сложно устроенной физической системы неорганического порядка (например, робота), так как управляется некими алгоритмами и программами.

Соответственно, мозг так же как компьютер не будет работать без наличия некой операционной системы — сознания. Под операционной системой мы понимаем некую идею, которая не может оторваться от своего материального носителя — транзисторов и находится в комбинациях 1 и 0, распределенных среди транзисторов. В данном контексте нейрон можно представить как механическую систему, в которой содержится геном, позволяющий сконструировать этот нейрон, а мозг, как материальную субстанцию, которая порождает ментально-психические феномены, которые, в свою очередь,

обращаясь к самому мозгу в дальнейшем могут менять схемотехнику материального носителя.

Вспомним мыслимый эксперимент Д.Чалмерса: «если нейроны головного мозга заменить кремниевыми чипами, которые будут выполнять ту же функцию, что удаленные нейроны, то мозг превратится в неорганическое устройство, но поведение человека останется прежним, так как причинно-следственные реакции, определяющие поведение строятся на входных и выходных данных, согласно функциональным состояниям организма» [6, с. 310].

Исходя из вышесказанного, если поведение человека не изменится, то мы не сможем обнаружить подмены. Тождество функционального устройства и поведенческих реакций с неизбежностью влечет за собой вывод о том, что, с одной стороны, функции реализуют поведение, а с другой стороны — поведение определяется совокупностью многих функций. Сознание, как система которую мы исследуем, должно проявлять себя на уровне поведенческой активности субъекта, иначе встает вопрос о признании сознания несуществующим.

Функциональный подход к проблеме сознание-мозг сталкивается с определенными трудностями. Специалист в области нейронауки, психолингвистики и теории сознания Т.Черниговская в своих работах указывает на определенные свойства, присущие сознанию: чрезвычайная роль контекста и интерпретации, избыточность многих путей решения проблемы (решение задач, используя разные алгоритмы, включая те, что не заявлялись в качестве поставленной цели), неожиданность и частичная непрогнозируемость сопоставляемых объектов и когнитивных процедур (творческий процесс), размытость, неточность и приблизительность описаний, искусственность аристотелевского типа

мышления (множественность типов мышления) [8, с. 156-157].

Функционализм не устраняет разрыв в объяснении с которым сталкиваются редукционистские концепции сознания [4, с. 129]. Сведение мышления к логико-вычислительным операциям, реализуемым в нейронных сетях, не значит, что феноменальное содержание ментально-психических феноменов подвластно такой редукции. Любые логико-вычислительные алгоритмы существуют объективно и даются нам от третьего лица, а феноменальное содержание имеет субъективный характер от первого лица. Доктор психологических наук В.Аллахвердов подчеркивает, что «объяснить сознание – значит найти такую логику рассуждений, при которой возникновение сознания и осознанности должно стать неизбежным» [1, с.11].

Отличие функционализма от теории тождества состоит в том, что он сводит ментальное содержание психики не только к физическим процессам, протекающим в головном мозгу, а к логико-вычислительным процедурам, которые могут быть реализованы не только биологическими структурами. В данном случае феноменальное содержание ментально-психических процессов сводится к причинно-следственным отношениям, но не редуцируется к физическому бытию.

В качестве примера возьмем нотный текст любого музыкального произведения, который представляет собой набор алгоритмов, задающих причинно-следственную взаимосвязь данного сочинения. Нотный текст может быть реализован на разных носителях (бумажный, электронный) и разными средствами (текст написан от руки или набран на компьютере). Но для обобщения данных алгоритмов (исполнение музыки на концерте) нужен когнитивный процесс, который включает в себя ментально-психические переживания познающего субъек-

екта и не сводится только к материально-физическому бытию.

Проведя эту аналогию на физический мир, мы постулируем, что нет никаких обобщений независимых от мышления. Соответственно, на физическом уровне нотный текст представляет собой логико-вычислительные операции, которые лишь сознание субъекта может объединить в общую палитру звуков, отражающих музыкальный образ. На нейронном уровне происходят логико-вычислительные операции на основе заданных алгоритмов, а феноменальное содержание ментально-психических процессов обретают свое бытие лишь в сознании воспринимающего субъекта.

Поэтому, если мы постулируем функцию как онтологическое нечто, которое сохраняет свою тождественность на разных носителях, то приписываем обобщающим процедурам реальное бытие, как, например, платоновским идеям. Если же, мы постулируем функцию как совокупность причинно-следственных связей между элементами физической системы, то мы исключаем уникальность феноменального содержания ментально-психических процессов.

Однако, как говорилось выше, редукция сознания к нейронным процессам не объясняет внутренних переживаний ментальной жизни, т.е. разрыв в объяснении остается. Почему именно феноменальное содержание сопровождается логико-вычислительные, поведенческие и физические процессы? Из описания процессов нейронного порядка с необходимостью не выводится феноменальное содержание ментально-психических процессов, даже учитывая полное объяснение корреляции между физическим и ментальным.

Анализируя проблему сознание-мозг американский философ Деэниель Деннет подчеркивает, что в физическом мире присутствует физическое сущее, а ментальное также должно

иметь физическую сущность. Следовательно, проблема существования феноменального содержания ментально-психических феноменов опирается на неполноту языка. Ученый пишет: «Психика, которая получается, когда к ней добавляется язык, настолько отличается от психики, которая была бы без добавления языка, что было бы ошибкой называть и ту и другую психикой» [2, с. 24].

Соответственно, уникальности бытия субъективного «Я» в рамках единства ментально-психической жизни сознания не существует, так как психика как физическая система постоянно прибывает в становлении и изменении. Поэтому правильнее говорить о множестве ментальных набросков, которые объединяются памятью в иллюзию непрерывного потока сознания. Философ утверждает: «...феномен человеческого сознания объясняется в терминах “виртуальной машины” – некоего вида эволюционировавшей компьютерной программы, которая оформляет мозговую активность. Не существует никакого “картезианского театра” – есть только Множественные Наброски, которые создаются процессами фиксации содержания, играющими различные полунезависимые роли в более крупной экономике мозга по контролю путешествия человеческого тела через жизнь» [3, с. 431].

В соответствии с данной позицией мы можем приравнять человека к органическому роботу, который не имея феноменального содержания ментально-психических феноменов, говорит об их наличии и приписывает их другим субъектам только потому, что они демонстрируют схожее поведение. Но субъективный опыт от первого лица с достоверностью подтверждает, что мы имеем феноменальный опыт, а не только говорим о нем.

Таким образом, редуктивные теории сознания в рамках проблемы сознание-мозг рассматривают мен-

тально-психическое как сущее физического порядка, но при этом сталкиваются с трудностью объяснения феноменального аспекта ментального опыта и непрогнозируемостью творческого процесса.

Нередуктивные теории сознания

Нередуктивный материализм не сводит онтологию ментально-психических феноменов к сущности физического порядка и утверждает, что любые явления Вселенной имеют в своей основе нефизическую составляющую, которая обуславливается нефизическими причинами. Поэтому некоторые физические процессы с неизбежностью сопровождаются ментальными событиями, которые не могут быть редуцированы к физическим. Этой точки зрения придерживаются Д.Чалмер, Р.Сперри, Д.Девидсон, Г.Степп, Д.Тонони и др.

Подчеркнем, что в рамках материалистической онтологии знание всех физических событий исчерпывают возможное знание об окружающем мире, но ментальное представление этих событий дает принципиально новое знание, которое, в свою очередь, априорно не выводится из физического. Дуализм субстанций в своей онтологии не совместим с материалистической парадигмой, которая утверждает, что основу окружающего мира составляет материальная субстанция. Поэтому нередуктивный материализм реализуется в рамках материалистической онтологии на основе первичного и вторичного дуализма свойств.

С одной стороны, полное картографирование нейронных сетей головного мозга сможет эмпирически установить некие корреляции, которые позволят установить наличие соответствующих им феноменальных переживаний. С другой — знание об объективной сущности физических процессов не может с необходимостью раскрыть

внутреннюю феноменологию субъективных переживаний.

В результате нейронных процессов всегда образуются новые синапсы (связи между нейронами), которые влекут за собой новый субъективно-ментальный опыт. Однако, даже, если мы будем знать обо всех возможных нейронных процессах, протекающих в головном мозгу, это не помешает нам узнать что-то новое, по крайней мере в его феноменальном содержании.

В этом случае теоретический опыт не будет равен практическому, так как в опыте появится новое феноменальное переживание, которое не тождественно уже описанным нейронным корреляциям. В результате субъект получит новый опыт, но при этом не будет знать ничего о нейронном коде, который сопутствует данному феноменальному событию.

Например, на квантовой уровне бытия электрон существует в возможности, как суперпозиция всех возможных состояний объекта. После редукции волновой функции электрон с неизбежностью приобретает лишь одно из этих состояний (корпускула). По-прежнему находясь в рамках натуралистического монизма мы постулируем, что у электрона нет свойства находиться в определенной точке пространства, а после наблюдения электрон локализован в пространстве.

Соответственно, применительно к проблеме сознание-мозг дуализм свойств можно рассматривать как материальные процессы, которые обладают разными свойствами: материально-вещественные процессы и материально-ментальные. Последние не имеют физических свойств, т.е. характеризуются другим набором параметров (как электрон в суперпозиции состояний), но возникают из материально-физических процессов и в дальнейшем оказывают на них влияние.

Панпротопсихизм Д.Чалмерса развивается в рамках первичного дуализ-

ма свойств [7]. В результате реализации мозгом определенной функции возникает ментальное содержание психических процессов, которое в своем феноменальном содержании не сводится к состоянию функционального характера. Ментальное в какой-то степени противостоит физическому, но не как самостоятельная субстанция.

Например, мы можем определить физические характеристики элементарных частиц после взаимодействия с измерительным прибором. С позиции третьего лица частица после редукции волновой функции (взаимодействие со средой) становится обладательницей определенных параметров, но мы не можем сказать какие параметры присущи ей до редукции. Мы постулируем, что она находится в суперпозиции всех возможных состояний, но не можем предположить чем она является вне физического взаимодействия со средой.

Следовательно, если панпротопсихизм верен, то квантовый объект в своем феноменальном содержании не сводится только к физическим характеристикам. Мы можем предположить, что у сущего во Вселенной есть два модуса бытия: одно из которых существует в модусе бытия в действительности, а другое в модусе бытия в возможности. В данном случае внутреннее протопсихическое становится собственно психическим на определенном этапе развития физических систем.

Отметим ряд сложностей в принятии этой позиции. Во-первых, в результате наделения протосознанием всего материального, мы делаем вывод, что и молекулы, и атом и вся Вселенная в какой-то степени обладают сознанием. Во-вторых, в таком случае человек становится обладателем множества централизованных протосознаний, что противоречит субъективному опыту. Мы воспринимаем только свое Я.

В этой связи более интересен другой подход, а именно — вторичный ду-

ализм свойств, который подчеркивает изначально присущие материи физические свойства, а ментальное выводится из физического сущего в результате эволюции физических систем. Вторичный дуализм свойств еще называют эмерджентизм. В рамках этого подхода ментальные состояния отождествляются с системными свойствами, которые присущи мозгу человека, как единой физической системе, а не ее отдельным структурам. Ментальное содержание психики не тождественно физическим процессам, протекающим в мозгу. Ментально-психические феномены происходят когда физическая система начинает проявлять эмерджентные свойства.

Эмерджентные свойства зависят от материи, которая их реализует, поэтому они не могут быть реализованы на разных носителях (как в функционализме). Определяя сознание как эмерджентное свойство нейронных сетей, можно свести ментальное содержание к физической сущности событий, протекающих в головном мозгу. Для того чтобы не скатиться в теорию тождества сторонники эмерджентизма объясняют сознание через нефизическое, информационное сущее. И.Меркулов заявляет: «психика и мышление — это эмерджентные феномены, относящиеся к информационным уровням функционирования когнитивных систем» [9, с. 56].

Информационные потоки конструируются во времени, но не локализуются в пространстве. Материально-физическое кодирует некую информацию, но не бытие самих информационных данных. Информационные потоки не обладают энергией, т.к. энергия характеризует взаимодействие между физическим и физическим, но не между физическим и нефизическим. В пространстве-времени актором является носитель материально-физических данных, но не сами информационные потоки.

Любое материальное событие предстает перед нами, как энергоинформационное поле взаимодействий и имеет информационную и физическую сторону. Осмысление ментально-психических феноменов сознания в соответствии с явлениями информационного порядка, во-первых, обеспечивает связь между нефизическим и физическим бытием сущего, во-вторых, постулирует развитие субъективно-ментальных переживаний в материально-физическом мире.

Таким образом, осмысление проблемы сознание-мозг в рамках материалистической онтологии предполагает рассмотрение взаимодействия ментально-психического и материально-физического как параллельные процессы или процессы корреляционного типа. Если мы отвергаем ментально-психическую составляющую сознания, то приходим к парадоксальному

выводу, о том, что мы имеем осознаваемые переживания, внутри которых ничего феноменально не переживается. В таком случае все действия могут быть редуцированы к процессам нейронного характера.

Для решения взаимодействия физического и ментального в рамках проблемы сознание-мозг нужно создать теорию сознания, которая во-первых, не редуцирует сознание к процессам нейронного порядка, во-вторых, объясняет почему сознание может оказывать причинное действие на физическую систему. Информационный подход в рамках вторичного дуализма свойств представляется нам наиболее перспективным для дальнейших исследований. С одной стороны, он дополняет научную картину мира ментальными феноменами, с другой — не противоречит материалистическому подходу.

Список литературы / References

1. Аллахвердов В. М. Проблема сознания. Поиск путей решения. *Мир психологии*. 2018; (2 (94)): 11-21.
2. Allakhverdov V. M. The problem of consciousness. Search for ways of solution. *World of Psychology*. 2018; (2 (94)): 11-21. (In Russ.)
3. Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
4. Dennett D. Types of psyche. M: Idea-Press, 2004. 184 p. (In Russ.)
5. Dennett D. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. 536 p.
6. Levine J. On leaving out what it is like. *Consciousness: Psychological and Philosophical Essays*. Oxford: Blackwell, 1993. 121-136 p.
7. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / под. ред В.В.Давыдова. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т.1. 608 с.
8. Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 vol. / ed. by V.V.Davydov. M: Big Russian Encyclopedia, 1993. T.1. 608 p. (In Russ.)
9. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 310 с.
10. Chalmers D. The Conscious Mind. In search of a fundamental theory. M.: URSS, LIBROCOM book scrap, 2013. 512 p. (In Russ.)
11. Chalmers D. Facing up to the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 1995; (2 (3)): 200-219.
12. Черниговская Т. В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть. *Проблема сознания в философии и науке*. М.: ИФРАН, «Канон+», 2008; 143-163 с.
13. Chernigovskaya T. V. Human in Man: Consciousness and Neural Network. *The Problem of Consciousness in Philosophy and Science*. M: IFRAN, "Kanon+", 2008; 143-163 p. (In Russ.)
14. Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология) / под. ред. И.П.Меркулова. М.: Канон +, 2004. 352 с.
15. Evolution. Thought. Consciousness. (The Cognitive approach in epistemology) / ed. by I.P.Merkulov. M.:Kanon +, 2004. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Гарифзянова Диляра Сагитовна, аспирант 2 курса, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии.

E-mail: dilyara.garifzyanova@yandex.ru

Information about author

Garifzyanova Dilyara Sagitovna, 2st year postgraduate student, assistant at the Department of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy.

E-mail: dilyara.garifzyanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Received 02.12.2024; Accepted 12.12.2024.

5.7.9. – Философия религии и религиоведение (Философские науки)

Научная статья

Research article

УДК 296.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4. 53–62>

Дискуссии о принадлежности религиозных вероучений хазар и караимов к иудаизму в работах религиоведов и иудейских богословов

Горин А.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье автор поднимает вопрос об изменении конфессионального отношения к предполагаемому этническому вероучению хазарского этноса и догматике этнического вероучения караимов. Основное внимание автор уделяет закономерности возникновения и развития тенденции отождествления указанных вероучений с иудаизмом, несмотря на существенные догматические разногласия и различия в ритуалах.

Автор анализирует на основе сравнительно-теологического метода и принципа историзма использование идеологами «иудейской» версии исторических источников для обоснования теории принадлежности караимизма и хазарской религии к иудаизму. Выявляет в приводимых идеологических доводах обоснованные доказательства и элементы фальсификации.

На основе исследования автор делает вывод о политическом, а не теологическом характере теории идентичности хазарской религии и караимизма с иудаизмом.

Ключевые слова: иудаизм, караимизм, хазары, Киевское письмо, Текст Шехтера, Сефер Га-Кузари.

Для цитирования: Горин А. А. К вопросу об изменении оценок религиозных вероучений хазар и караимов со стороны иудейских богословов и исследователей религии. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67)):53–62.

Discussions on the affiliation of the religious beliefs of the Khazars and Karaites to Judaism in the works of religious scholars and Jewish theologians

Gorin A.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The author in the article raises the issue of changing the confessional attitude towards the alleged ethnic religion of the Khazars and the dogma of the ethnic religion of the Karaites. The author pays special attention to the regularities of the emergence and development of the tendency to identify these creeds with Judaism, despite significant dogmatic differences and differences in rituals. Considering the use of historical sources by Jewish ideologists and

scientists to substantiate the theory of belonging of Karaism and the Khazar religion to Judaism, the author analyzes the arguments from the point of view of both the principle of historicism and the comparative theological method, identifying both substantiated evidence and elements of falsification. Based on the research, the author concludes that the theory of the identity of the Khazar religion and Karaism with Judaism is political, not theological.

Keywords: Judaism, Karaism, Khazars, the Kiev letter, the text of Schechter, Sefer Ha-Kuzari.

For citation: Gorin A. A. On the issue of changing the assessments of the religious beliefs of the Khazars and Karaites by Jewish theologians and religious researchers. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024; (4 (67)):53–62. (In Russ.)

Введение

В начале XXI века остро встал вопрос о сохранении традиционных элементов этнокультурной идентичности народов Российской Федерации и Европы. Одним из ключевых маркеров, определяющих этнокультурную идентичность человека, являются разделяемые им духовные ценности и исповедуемое индивидом вероучение традиционное для его народа. Для крымских караимов исповедание своей религии стало вопросом сохранения этноса, права которого были признаны в Российском государстве 15 ноября 1843 года. Караимы претендуют сегодня на статус малочисленного коренного народа Крыма.

Однако традиционное вероучение караимов – караимизм среди иудейских богословов не признаётся самостоятельным вероучением. Иудейские богословы считают караимизм лишь направлением иудаизма, а самих караимов – «коленом израилевым». Достоверно установлено, что современные караимы относятся к тюркским и тюркоязычным народам. Равно как и народ хазаров, по версии иудейских богословов также исповедовавший раввинистический иудаизм. В отличие от караимов, считавшихся до XVIII века «сектой», от которой длительное время отмежевывались теологи иудаизма, исповедание хазар в иудейских источниках сразу идентифицируется как канонический иудаизм. То, что при этом ряд свидетельств относят этнос

хазар к тюркам, противоречит концепции «богоизбранного народа», разделяемой большей частью иудейских теологов.

По мнению ряда учёных, хазарская составляющая присутствует и в этногенезе народа караимов. Возникает вопрос, в какой момент и по каким причинам изменяется теологическая оценка иудейскими богословами и исследователями религии вероисповедания караимов. А также, – по каким причинам изменяется этнокультурная оценка народа караимов со стороны иудейской теологии и еврейской светской науки от его полного непризнания до признания его одним из утерянных колен еврейского народа вопреки генетической и языковой принадлежности. Закономерно возникает вопрос об актуальном статусе национальной религии караимов, точное определение которого необходимо для сохранения уникального малого народа в современном мире.

Цель статьи – определить причины, по которым авраамическое вероучение хазар было однозначно признано иудейскими богословами частью единого иудейского вероучения, несмотря на ряд догматических и ритуальных расхождений. А также – определить условия, при которых учение караимов, от которого иудейская традиция отмежевывалась до XVIII века, приобрело для иудейских богословов статус сравнимый со статусом вероучения хазар.

Обзор литературы

При рассмотрении указанного вопроса были использованы как исторические источники, так и современная литература.

Одним из основных источников является Тора, в частности – книги Брейшит и Шмот, в которых изложена концепция «богоизбранного народа» из потомков пророка Авраама. Кроме Торы в статье рассматриваются иные источники (предположительная датировка X век н.э.): материалы т. н. «Киевского письма» и «Текст Шехтера». Последний представляет собой анонимное письмо из дипломатической переписки Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, адресованное некоему «хазарскому царю Иосифу» и ответ на это письмо. Эти документы подробно проанализированы такими исследователями как П. К. Коковцов, Н. Голб, О. Прицак, Д. М. Данлоп и др. В числе источников также стоит назвать апологетическую работу Иегуды Галеви «Сефер Га-Кузари» («Книга ответа и доказательства по поводу унижаемой веры») XI – начала XII вв., зафиксировавшую легенду о принятии иудаизма хазарскими правителями. В качестве источника по истории караимов привлекаются материалы еврейских рукописей, опубликованные А. С. Фирковичем в XIX в.

Что касается литературы, то в первую очередь используется работа Сало У. Барона, посвящённая истории иудаизма и еврейского народа. Фундаментальный труд Сало У. Барона дополнен рядом исследований по вопросам развития авраамических общин, а также – иудейского богословия и караимского вероучения. Среди них работы М. И. Артамонова, М. Элиаде, В. Л. Вихновича, В. М. Петри, М. Гудмана, М. Б. Кизилова и других отечественных и зарубежных авторов.

Методы

Методология статьи представляет собой комплекс теоретических мето-

дов религиоведения и специальных теологических методов.

Основным методом статьи стал метод Библейского анализа. Автор исследует тексты Торы (в частности – книги Берешит и Шмот), с целью определить значение доктрины «богоизбранного народа» для догматической базы иудаизма. Автор поднимает вопрос о возможности расширения определения «богоизбранного народа» за рамки исключительно еврейского этноса без противоречия догмам, изложенным в книгах Торы.

В вопросе выхода иудейской традиции за рамки еврейского этноса автор использует метод практической теологии, сопоставляя доктрины Торы с практической их реализацией в отношении тюркских народов. Использование данного метода позволяет выявить противоречия между религиозной доктриной иудаизма, и стремлением ряда историков и богословов идентифицировать хазар и караимов, как этносы, исповедующие иудаизм.

Результаты и обсуждения

В иудейских и светских еврейских источниках оценка вероучений хазар и караимов различна. Если хазар еврейские историки однозначно идентифицируют как отдельный народ исповедующий иудаизм, то караимов длительное время они рассматривали как еврейскую секту. Однако в настоящее время, когда караимы претендуют на статус самостоятельного тюркского этноса с оригинальным традиционным вероучением¹, еврейская богословская и историческая традиция по-прежнему относится к ним, как к неотъемлемой части еврейского народа и иудейской общины.

¹ Решение Национального съезда крымских караимов-тюрков 2016 г.// <http://karai.crimea.ru> – Режим доступа: <http://karai.crimea.ru/934-reshenie-nacionalnogo-sezda-krymskix-karaimov-tyurkov-2016-g.html> – Дата обращения: 12.01.2023.

Такое отношение противоречит базовым догмам иудаизма. В книге Берешит указывается, что, несмотря на то, что по воле Всевышнего «отцом народов» остаётся Авраам, а наиболее плодовитым стал его сын Ишмаэль, завет Всевышний устанавливает со вторым сыном Авраама – Ицхаком и его потомством [Берешит, 17: 20-21]. А в книге Шмот указано, что Всевышний выделяет евреев как исключительно свой народ, противопоставляя его другим народам: мицри, кенаани, хити, эмори, призи, хиви, йевуси [Шмот, 3; 6-11]. Там же провозглашается избрание народа евреев Богом как «своего народа» [Шмот, 6;7-8].

Вопрос о происхождении хазар остаётся открытым. К «колену Симеонову» их не относит никто, кроме иудейских историков Средневековья. Анализируя т. н. «Киевское письмо» X века, среди авторов которого упоминаются и хазары, еврейский исследователь Н. Голб признаёт, что жители Хазарского каганата имели тюркские имена [1, с.18]. То есть, что хазары – тюркоязычный народ, а не семитский. Того же мнения придерживается и профессор Марсель Эрдаль. Он прямо называет хазар тюрками [2, с. 125-126].

Археологи О. Ивик и В. Ключников, исследовавшие хазарские курганы, на основании памятников материальной культуры и элементов религиозных погребальных обрядов, относят хазарскую культуру к группе, родственной культуре племён гуннов, болгар, баранжаров, сувар/савиров, и т. д., не имеющей сходства с иудейской культурой [3, с. 7-8, 23-25, и др.]. Подобные выводы делал и основатель советского хазароведения М. И. Артамонов [4, с. 114-157].

Использование в Хазарском каганате иврита говорит только о том, что в государстве присутствовали писцы (возможно – иудеи), знавшие иврит и писавшие письма официальных лиц еврейским контрагентам, и присутствовала еврейская община неуста-

новленной численности. Поэтому, возникает вопрос: когда именно иудеи отходят от своей базовой догмы о единственном «богоизбранном народе», начиная признавать несемитский народ хазар – единоверцами?

В работе Иегуды Галеви «Сефер Га-Кузари» – литературном произведении кон. XI – нач. XII вв., приводится легенда о принятии хазарами иудаизма в VII в. [5, с. 33]. Книга Галеви – не достоверный исторический источник, поскольку содержит диалоги с вымышленными персонажами (на что указывает, в частности, сноска 4 из археографического конвоя указанного издания [5, с. 35]), а также представляет ряд легендарных событий как доказанные факты.

Упомянутое выше «Киевское письмо», которое ряд еврейских историков (например, Н. Голб) пытается интерпретировать, как свидетельство наличия в Киеве X века хазарской общины, исповедующей иудаизм [1, с.10], это документ сомнительной подлинности. Он представляет собой рекомендательное письмо для сбора средств на оплату долга иудея Якова в иудейских общинах. При этом апологеты «хазарско-иудейской» версии – Н. Голб и О. Прицак признают, что по тексту документа невозможно определить ни места рождения Якова [1, с.26], ни место его пленения за долги [1, с. 27]. Свидетельств связи с Хазарией автора и лиц, подписавших указанное письмо в оригинальном тексте нет [1, с. 30-31].

Центральное место в документах якобы доказывающих исповедание хазарами раввинистского иудаизма занимает т. н. «Текст Шехтера». Он состоит из двух документов: анонимного письма из дипломатической переписки Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, адресованного некоему «хазарскому царю Иосифу» и ответа на это письмо. П. К. Коковцов датирует их II пол. X в. [6, с. VII]. «Текст Шехтера» известен с XII в. [6, с.VIII] в копиях, в данный

момент – лишь в списке XVI в. из Оксфордской библиотеки [1, с.101-102]. Й. Маркварт называет указанные письма «апокрифами» [7, с. XLV], что в протестантской традиции нач. XX в. тождественно определению «псевдо-эпиграфы» и полностью отрицает его историчность [7, с. 8]. Отрицает подлинность «Текста Шехтера» и Коковцов. И не без оснований. Каталонский богослов Иуда бен Барзилай отмечал, что известная ему копия писем написана евреем из Константинополя на родном языке [6, с. VIII]. Впоследствии, более ранних копий найдено не было.

Однако ряд религиоведов подлинность «Текста Шехтера» принимает. Например, Мирча Элиаде на его примере доказывает «избранность» иудаизма в связи с его характером «религии откровения» [8, с.107].

Барон У. Сало выдвигает версию, что иудеизация хазар происходила в несколько этапов на протяжении VIII в. При этом он признаёт, что достоверных источников, описывающих этот процесс не существует [9, с. 195-196].

Если мы рассмотрим исследования, описывающие авраамическое учение, исповедуемое хазарами, то заметим ряд серьёзных противоречий историческим реалиям и богословским догматам. Так в своей работе В. Л. Вихнович безапелляционно называет иудаизм «государственной религией Хазарского каганата» [10, с.173], основываясь исключительно на легенде об «избрании религии» князем Владимиром Святославичем, описанной в «Повести временных лет», в которой упоминаются «хазарские иудеи» [11, с. 115-116]. Он же говорит о том, что хазарские иудеи до XV века использовали восточнославянский (древнерусский) язык и лишь потом – идиш [10, с. 174]. Данное утверждение также является спорным.

Барон У. Сало подчёркивает, что вероучение хазар, особенно на раннем этапе, сильно отличалось от канонического иудаизма и представляло собой

синкретизм минимальной “веры Авраама” с эллинским язычеством. То же самое мы видим и в «Тексте Шехтера». В письме царя Иосифа Хасдаю ибн-Шапруту указано свидетельство о том, что *«настоящих евреев нет в земле кеदारов, а живут там только миним»* [9, с. 200]. Кеदार [Берешит, 25:13] – один из сыновей Ишмаэля. Термин употребляется применительно к кочевникам. Миним – термин, обозначавший еретиков, отступников, сектантов. Согласно тексту Мишны, читающие «еретические» книги – «не наследуют Землю в мире грядущем», то есть иудеями не признаются [12, с. 388-389]. Тем не менее, Сало У. Барон прямо указывает причину, по которой иудеи Израиля, Иберийского полуострова и Северной Африки признают хазар единоверцами: *«Евреи других стран испытывали некоторое недовольство неортодоксальностью хазар и недостатком культуры, однако им льстило существование независимого еврейского государства»* [9, с. 204].

Однако в данном случае сложно согласиться со столь простой трактовкой причин принятия хазар как единоверцев. Сало У. Барон в своей работе доходит до утверждения, что ряд этнических еврейских анклавов Европы происходит от хазарских родов [9, с.205]. Значит, речь идёт о стремлении ряда современных историков не просто объявить тюрков-хазар единоверцами семитов-иудеев, но и включить их в состав еврейского этноса. Хотя тот же Галеви хазар и иудеев разделял [5, с. 33-34], а М. Гудман рассматривал принятие иудаизма как инструмент светской геополитики [13, с. 292].

По вопросу вероучения караимов ситуация развивалась иначе. Это не заимствование элементов иудаизма, а попытка на общем с иудаизмом авраамическом догматическом «фундаменте» построить новое религиозное вероучение.

Караимизм выделяется из авраамической традиции в VIII в. в период

арабских завоеваний на фоне догматической унификации христианства и становления ислама. Иудаизм переживает период выделения из общей догматики целого ряда отдельных религиозных групп (мишавиты, юдганиты, исавиты и др.). Большинство исследователей считают караимизм ветвью иудаизма. Так Сало У. Барон [14, с. 145] и А. Шураки [15, с. 83] связывают караимизм с саддукейским наследием. Однако есть версия, что караимизм изначально не был монолитным учением. Так М. Б. Кизилов считает, что караимы представляли собой несколько самостоятельных групп, объединившихся впоследствии [16, с. 95]. Главой одной из групп и стал наиболее известный богослов караимизма Анан бен Давид, которого А. Шураки считает «контрэксилархом» некоего «тайного конклава» избранным в 767 г. в Вавилоне [15, с. 83]. Если Сало У. Барон считает А. бен Давида основателем караимизма [9, с. 162], то Кизилов, – лишь одним из богословов [16, с. 95].

Вероучение караимов существенно отличается от основных направлений иудаизма: они практикуют отказ от сакрализации Мишны и Талмуда, а также – от посредников в толковании Священного Писания [15, с. 83], преследуя цель – понимание священных текстов без искажений [13, с. 378]. Такой подход повлёк за собой изменения в регламентации культовой и внекультовой деятельности. В. Л. Вихнович отмечает сакрализацию иврита (вплоть до исключения его из внекультового общения), аскетизм, более детальную регламентацию быта, отказ от неэмпирического времясчисления и т. д. [10, с. 99–100]. Такие изменения сравнимы с вероисповедательными отличиями от иудаизма, наблюдавшимися в вероучении хазар. И М. Гудман обоснованно называет караимизм «отдельной влиятельной конфессией» [13, с. 375]. Однако сторонники «иудейской» версии принадлежности караи-

мизма (например, Барон, Вихнович и Кизилов [16, с. 98]) всё равно причисляют караимизм к иудейским группам, несмотря на серьёзные догматические и ритуальные отличия.

В период раннего Средневековья на территории Крымского полуострова складывается этнос [17, с. 2], для которого караимизм становится этнообразующей религией. Если ранние караимские общины с VII по X века состояли преимущественно из евреев, то к X веку вероучение караимов выходит за рамки еврейского этноса.

Язык крымских караимов и их диаспор практически все исследователи относят к западно-кипчакской ветви тюркских языков [17, с. 2]. Караимский язык имеет ряд диалектов: тракайский, галичский и крымский. По словам представителей крымских караимов, их язык сходен с крымско-татарским, а не с ивритом или идишем. Этническая и культурная традиция крымских караимов сходна с традицией поволжских тюркских народов, а также и иных тюркских народов постсоветского пространства. К. Джинни, А. Н. Пулянос, Я. В. Чекановский, Ф. Штайнигер отмечают антропологическую общность крымских караимов с тюрками. А исследователь К. Н. Иков подчёркивает отсутствие сходства караимской цивилизации с семитскими этническим и культурным базисами [18, с. 36–43].

Эти факты пытается оспорить филолог А. М. Меметов, называющий сомнения в еврейском происхождении крымских караимов «политическим вопросом» [19, с. 173–174]. В качестве доказательств он приводит материалы словаря Брокгауза и Ефрона, Еврейской энциклопедии и т. д. [19, с. 173]. Однако, не будучи историком, А. М. Меметов делает распространённую ошибку: в приведённых им документах караимы классифицируются по религиозному, а не этническому признаку. К тому же Меметов вынужден признать, что в 1794–1795 годах караимам Крыма уда-

лось доказать Губернатору Екатеринославскому и Таврическому П. А. Зубову и Екатерине II Алексеевне непринадлежность своего народа к еврейскому этносу и своё пребывание на территории Крымского полуострова в течение 450 лет [19, с. 174].

Рассуждение А. М. Меметова отражает основную ошибку исследователей: отождествление понятия «иудей» и «еврей». Русский язык – один из немногих, в котором эти понятия разделены.

Этногенез караимов остаётся до конца не исследованным. Существует версия генетической связи караимов и хазарского этноса. Но здесь мы видим возможное смешение двух понятий. Во-первых, караимской еврейской общины, члены которой, по версии А. Я. Гаркави и П. К. Коковцова, переработали текст переписки Хасдая ибн Шапрута и «хазарского царя Иосифа» [6, с. XX-XXII]. Во-вторых, тюркского этноса караимов, формировавшегося, по всей вероятности, параллельно с хазарским этносом.

Длительное время (в том числе – в советский период) в научном мире преобладала «хазарская» версия происхождения караимов [20, с. 14], но эта теория небезупречна. Её поддерживал А. С. Фиркович, сформулировавший версию прихода представителей еврейской караимской общины в Крым с персидским войском Камбиза в VI в., а затем – взаимной ассимиляцией с частью хазарского этноса и принятием караимами тюркского языка [20, с. 18]. Аргументация А. С. Фирковича требует осторожного отношения вследствие приведения им ряда откровенно фальсифицированных данных. Но даже сторонники «еврейского» происхождения крымских караимов вынуждены признать, что 90% слов и выражений караимского языка практически идентичны с крымско-татарскими словами и выражениями [19, с. 176]. Хотя и факт пребывания хазар на Крымском полу-

острове также упоминается в переписке Хасдая ибн Шапрута [21, с. 10].

Даже если речь идёт о потомках семитов, то к концу XVIII века они уже настолько ассимилировались с тюркским населением Крыма, что перестали представлять собой часть еврейского этноса.

Выводы

Когда караимы находились под фактической юрисдикцией Османской империи, им выгодно было считаться иудеями, так как на территории Османской империи иудеи пользовались большей свободой вероисповедания, нежели большая часть иных немусульманских религиозных общин.

Интересно следующее. До конца XIX века, пока «еврейская принадлежность» караимов «не вызывала сомнений», интерес к караимской общине Крыма со стороны иудейского богословия был сравнительно невелик. Однако с начала XX века мы наблюдаем тенденцию в среде иудейских богословов, аналогичную тенденции их отношения к хазарскому вероисповеданию. Несмотря на явные различия в вероучительной доктрине, догматике, культовой и внекультовой деятельности караимской общины, иудейские богословы и ряд неиудейских исследователей стремятся идентифицировать крымских караимов, как часть иудейской общины и еврейского этноса (что выглядит заведомой фальсификацией). Более того, в конце XX – нач. XXI вв. правительство Израиля разворачивает политику репатриации караимов на территорию Израиля и включения их в сионистскую идеологическую систему [22, с. 96], несмотря на то, что караимы Крыма не принадлежат к «богоизбранному народу» с точки зрения базовой догматики иудаизма.

Это происходит на фоне стремления крымских караимов, сохраняющих связи со своими диаспорами в Польше и Прибалтике, получить статус са-

мостоятельного этноса, а для своего вероучения – статуса отдельной религии (провозглашение указанного статуса происходит 20 мая 2016 г. на Национальном съезде крымских караимов-тюрков¹).

Заключение

Как в отношении религиозной принадлежности этноса хазар, так и в отношении религиозной принадлежности этноса караимов сложились два диаметрально противоположных взгляда. Наиболее часто в исторической и богословской литературе утверждается, что вероисповедание этих этносов – иудаизм. Сторонники второго подхода отрицают такую версию.

Анализ текста Торы указывает на важнейшее богословское препятствие в признании принадлежности к иудейской общине народов хазар и караимов. Согласно одной из базовых религиозных догм иудаизма, иудеем может быть лишь представитель избранного Всевышним народа, то есть – еврейского, о чём прямо сказано в книгах Берешит и Шмот. В то же время, археологические и лингвистические источники указывают, что хазарский народ имел тюркское происхождение. Также к тюркским народам принадлежит и лингвистически, и в области культуры, и в области генетики этнос крымских караимов. Таким образом, в попытках причислить данные этносы к иудейской общине, мы видим серьёзное богословское противоречие.

Кроме того, в рассматриваемых источниках X века прямо указывается синкретический характер верований хазарского народа, включающих в себя как элементы авраамической традиции, так и элементы эллинистического язычества, что категорически непри-

емлемо с точки зрения иудейской догматики. Именно поэтому современники и называют хазаров «кедар миним», то есть – кочевниками еретиками. О реальном же количестве иудеев в Хазарском государстве в источниках не упоминается.

Этническая же религия караимов, хоть и имеет в основе иудейское вероучение, отказывается от его части («устной традиции»), имеет ряд самобытных элементов в религиозных ритуалах. Данный подход также не является общим в иудаизме. Однако, в отличие от хазарского вероучения, караимизм, являясь этнической религией для караимского этноса, исповедуется и рядом общин этнических евреев (в том числе, на территории Северной Африки и Израиля).

Ряд исследователей (например, основатель американской школы иудаистики Сало У. Барон) сводят попытки включения хазарского и караимского народов в общеиудейскую общину к следованию политической конъюнктуре.

Однако в данном случае мы наблюдаем более глубокий богословский процесс: сторонники объединительной политики идут на прямое изменение или игнорирование одной из базовых доктрин иудаизма для достижения политических целей. Подобное изменение (догмат *filioque*) в своё время привело к догматическому обоснованию Раскола христианской церкви 1054 г. Тем не менее, данный опыт неоднократно повторяется в иудейской богословской среде. Поэтому, на примере отношения к хазарскому и караимскому вероучениям мы видим попытки иудейской богословской школы обосновать выход иудаизма, как вероучения на качественно-новый, наднациональный, уровень. В настоящее время такая политика ведётся, в том числе, и через распространения практики гиор (гиюр) – принятия иудаизма лицами, не являющимися этническими евреями.

¹ Решение Национального съезда крымских караимов-тюрков 2016 г.// <http://karai.crimea.ru> – Режим доступа: <http://karai.crimea.ru/934-reshenie-nacionalnogo-sezda-krymskix-karaimov-tyurkov-2016-g.html> – Дата обращения: 12.01.2023.

Список литературы / References

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – Москва-Иерусалим: Гешарим, 1997. – 260 с.
- Golb N., Pritsak O. Khazar-Jewish documents of the tenth century. – Moscow-Jerusalem: Gesharim, 1997. – 260 p. (In Russ.)
2. Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары, сб. статей. Евреи и славяне — Москва, Иерусалим: Мосты культуры, 2005. – Т. 16. – С. 125-140
- Erdal M. The Khazar language. *Khazars, collection of articles. Jews and Slavs*. – Moscow, Jerusalem: Bridges of Culture, 2005. Vol. 16. P. 125-140. (In Russ.)
3. Ивик О., Ключников В. Хазары, – М.: «Ломоносовъ», 2013. – 338 с.
- Ivik O., Klyuchnikov V. *Khazars*, – M.: Lomonosov, 2013. – 338 p. (In Russ.)
4. Артамонов М. И. История хазар. – Ленинград: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
- Artamonov M. I. The history of the Khazars. – Leningrad: Publishing House of the State Hermitage Museum, 1962. – 523 p. (In Russ.)
5. Галеви Й. Сефер га-кузари (Книга хазара). – М.: Книжники; Текст, – 2009. – 432 с.
- Halevi Y. *Sefer ha-kuzari (The Book of the Khazar)*. – M.: Knizhniki; Text, 2009. – 432 p. (In Russ.)
6. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Ленинград: Издательство АН СССР. – 1932. – 176 с.
- Kokovtsov P. K. *Jewish-Khazar correspondence in the tenth century*. – Leningrad: Izdatel'stvo AN USSR, 1932. – 176 p. (In Russ.)
7. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig: Verlagsbuchhandlung Theodor Weicher, 1903 – 616 p.
8. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 3. – М.: Критерион, 2002. – 352 с.
- Eliade M. The history of faith and religious ideas. In 3 vols. V. 3. – M.: Criterion, 2002. – 352 p.
9. Барон Сало У. Социальная и религиозная история евреев. В 4 т. – М.: «Книжники», 2014. – Т. 3. – 358 с.
- Baron Salo W. The Social and Religious History of the Jews. In 4 volumes. – Moscow: Knizhniki, 2014. – V. 3. – 358 p. (In Russ.)
10. Вихнович В. Л. Иудаизм. – СПб.: Питер, 2006. – 224 с.
- Vikhnovich V. L. *Judaism*. – SPb.: Piter, 2006. – 224. (In Russ.)
11. Повесть временных лет./ Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст.и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 544 с.
- The tale of bygone years – M.: Institute of Russian Civilization, Native Country, 2014. – 544 p. (In Russ.)
12. Мишна. В 6 т. Раздел Незекин [Ущерб]. Т. 4. – М.: Книжники; Лехаим, 2014. – 784 с.
- The Mishnah. In 6 vols. Section Nezekin [Damages]. Vol. 4. – M.: Knizhniki; Leham, 2014. – 784 p. (In Russ.)
13. Гудман М. История иудаизма. – М.: Азбука-Алликс, 2020. – 840 с.
- Goodman M. The history of Judaism. – Moscow: Azbuka-Allikus, 2020. – 840 p. (In Russ.)
14. Барон Сало У. Социальная и религиозная история евреев. В 4 т. – М.: «Книжники», 2013. – Т. 2. – 485 с.
- Baron Salo W. The Social and Religious History of the Jews. In 4 volumes. – Moscow: Knizhniki, 2013. – V. 2. – 485 p. (In Russ.)
15. Шураки А. История иудаизма. – М.: АСТ-Астрель, 2008. – 194 с.
- Shuraki A. The history of Judaism. – Moscow: AST-Astrel, 2008. 194 p. (In Russ.)
16. Кизилов М. Б. Крымская Иудея. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.
- Kizilov M. B. Crimean Judea. – Simferopol: Dolya, 2011. – 336 p. (In Russ.)
17. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 348 с.
- Musaev K. M. Syntax of the Karaite language. – M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2003. – 348 p. (In Russ.)
18. Иков К. Н. К антропологии караимов // Караимская жизнь. 1912; (12): 36-43.

Iskov K. N. To the anthropology of Karaites. *Karaite life*. 1912; (12): 36-43. (In Russ.)

19. Меметов А. М. О так называемых «тюркских народах» Крыма (Часть 1)\\ Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 22(61). – 2009. – №3 – С.172-178.

Memetov A.M. About the so-called "Turkic peoples" of Crimea (Part 1). *Scientific notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. The series "Philology. Social communications"*. Vol. 22(61). 2009; (3): 172-178. (In Russ.)

20. Тюркские народы Крыма: Караймы. Крымским татара. Крымчаки/ Отв.

ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чиждова. – М.: Наука, 2003. – 459 с.

The Turkic peoples of Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks. – Moscow: Nauka, 2003. 459 p. (In Russ.)

21. Плетнева С. А. Хазары: 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – 88 с.

Pletneva S. A. Khazars — М.: Nauka, 1986. — 88 p. (In Russ.)

22. Герцль Т. Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, Вас. Остр., 1896. – 112 с.

Herzl T. The Jewish State. The experience of the modern solution of the Jewish question. – SPb.: Printing house of M. Stasyulevich, Vas. Isl., 1896. – 112 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Горин Антон Анатольевич, кандидат ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра религиоведения. Author ID 796791; ORCID 0009-0009-3161-1887, e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Information about author

Gorin Anton Anatolyevich, Associate Professor, Kazan (VolgaRegion) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Religious Studies. Author ID 796791; ORCID 0009-0009-3161-1887, e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Поступила в редакцию 02.11.2024; принята к публикации 20.12.2024.
Received 02.11.2024; Accepted 20.12.2024.

5.7.7 – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1(091):379.8.09

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.63-70>

***Σχολή* и *otium*: рецепции античного понимания досуга для современного мира**

Некрасов М.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена досуга в древнегреческой и древнеримской философской традиции. Необходимость данного анализа исходит из современного положения досуга, который оказывается включенным в процессы капиталистического производства. Отчуждение досуга капиталом ставит человека в ситуацию, когда человек не имеет времени, принадлежащего собственно ему. В свете данной проблемы предлагается переосмыслить понятие «досуга» с опорой на древнегреческих и древнеримских авторов. В ходе исследования выясняется, что эти две традиции объединяет интерпретация досуга как времени, посвященного интеллектуальному и духовному совершенствованию, рефлексии, ведущей к добродетельному образу жизни. В конце статьи предпринимается попытка переложить данную интерпретацию на современную социальную реальность. Выводом статьи является гипотеза, что досуг как определенное интеллектуальное усилие помогает индивиду переориентировать свою деятельную жизнь, наполнив её реальным, осмысленным и творческим содержанием.

Ключевые слова: досуг, *otium*, *σχολή*, отдых.

Для цитирования: Некрасов М. С. *Σχολή* и *otium*: рецепции античного понимания досуга для современного мира. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67)):63–70.

***Σχολή* and *otium*: receptions of the ancient understanding of leisure for the modern world**

Nekrasov M.S.

Kazan Federal University, Kazan, 420008

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of leisure in the ancient Greek and Roman philosophical tradition. The need for this analysis comes from the current situation of leisure, which turns out to be included in the processes of capitalist production. The alienation of leisure by capital puts a person in a situation where a person does not have time that belongs to him. In the light of this problem, it is proposed to rethink the concept of "leisure" based on ancient Greek and Roman authors. In the course of the study, it turns out that these two traditions are united by the interpretation of leisure as time devoted to intellectual and spiritual improvement, reflection leading to a virtuous

lifestyle. At the end of the article, an attempt is made to shift this interpretation to modern social reality. The conclusion of the article is the hypothesis that leisure as a certain intellectual effort helps an individual to reorient his active life, filling it with real, meaningful and creative content.

Keywords: leisure, *otium*, *σχολή*, rest.

For citation: Nekrasov M. S. *Σχολή* and *otium*: receptions of the ancient understanding of leisure for the modern world. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):63–70. (In Russ.)

Современное общество часто рассматривается социальными философами, социологами, медиатеоретиками как «общество потребления». В данной ситуации индивид существует в общественной парадигме, которая воспитывает в нём постоянную нужду в благах, многие из которых созданы искусственно. Более того, индивид начинает видеть себя в этих благах: его личностная идентификация происходит через товары. Наличие в гардеробе определенного бренда одежды может показать принадлежность индивида к некоторой идейно ангажированной группе или подчеркнуть его социальный статус.

Свободное время, которым обладает индивид, также попадает под власть рынка. Стоит оговориться, что в данной статье понятия «досуг», «свободное время», «время отдыха» являются синонимичными, и понимаются как время, свободное от труда. «Свободное время» в раннекапиталистическую эпоху выполняло функцию поддержания режима труда и отдыха, позволяя тем самым восстанавливать энергетические ресурсы человеческого тела для последующего труда. Отдых уже тогда оказывается включен в капиталистическую систему, поскольку данный режим регламентирует наиболее эффективную форму производства. В настоящее же время «свободное время» само становится капиталом, который может приносить свою долю прибыли наравне с рабочей силой, навыками и способностями. Это может происходить посредством разных инструментов, главным из которых является ин-

дустрия развлечений, позволяющая на некоторое время отключить сознание от реального мира и погрузить его в контекст книги, фильма, видеоигры, спортивного матча и так далее. Таким же инструментом могут быть и общественные инстинкты человека, который, стремясь к более высокому заработку, или социальному положению, или признанию определенной релевантной группой, начинает заниматься собственной переквалификацией и получать навыки в профессиональной сфере, отличной от изначальной. Сюда же можно отнести и стремление человека к поддержанию тела в спортивной форме, в связи с чем практикуются различные диеты и походы в тренажерные залы. Однако даже это занятие во многом подчинено требованию максимальной эффективности. Здоровое тело, качественный отдых, своевременная смена деятельности, наличие интересного хобби защищают человека от «бича» современного трудового процесса – выгорания. Но данное стремление к отсутствию выгорания подчинено тем же требованиям, что и организация пятидневной рабочей недели много лет назад – требованию максимальной эффективности, которая достигается посредством, опять же, эффективной организации досуга. Таким образом, мы хорошо отдыхаем, чтобы потом хорошо поработать. Поэтому сейчас мы можем говорить об отчуждении, которое ныне присутствует не только во время труда, но и во время отдыха.

В связи с данным фактом, мы предлагаем обратиться к пониманию досу-

га в античных Греции и Риме, сравнить их между собой, попробовать отыскать в них эмансипирующий потенциал для настоящего времени.

В начале следует отметить, что античность – это большой временной период, который охватывает более десяти веков мировой истории. Понятно, что на протяжении этого времени изменялись социальные, бытовые, политические установки. Поэтому жизни античных граждан в, например, архаический и эллинистический периоды истории Древней Греции, сильно отличаются. Исходя из данного фактора, мы будем рассматривать некоторое усреднённое понимание досуга в жизни древнего грека и римлянина.

Древнегреческий полис, по утверждению историка Сергея Карпюка, состоял из трех основных сословий: граждане, свободные неграждане (торговцы и ремесленники из других стран и греческих полисов) и рабы. При этом самое существенное отличие пролегло между гражданами и негражданами. Рабы же, несмотря на свое угнетенное положение, могли быть освобождены волей своего господина, и, наоборот, граждане могли потерять свободу в результате долгов [1]. Тем не менее, основная трудовая нагрузка во всём античном мире ложилась именно на рабов: рабы трудились в рудниках и шахтах, на полях, в ремесленных лавках, прислуживали местной аристократии. Права на досуг рабы не имели, только если им того не позволял хозяин или же в некоторые редкие праздники. Историк Мишулин М. В. приводит слова римского агронома Катона, которые хорошо иллюстрируют отношение к трудовому режиму рабов: «Раб должен работать или спать» [2, с. 32]. Также и Аристотель ещё в свою эпоху упоминает пословицу: «Нет досуга для рабов» [3, с. 619]. Таким образом, свободным временем, досугом преимущественно обладали свободные граждане. Более того, именно отсутствие

тяжелого физического труда и вместе с тем обладание свободным временем являлось неотъемлемой характеристикой гражданина.

Для обозначения досуга в Древней Греции использовался термин – *σχολή*. По утверждению антиковеда Фролова Э. Д. изначально термин фиксируется в послегомеровское время у таких авторов как Эсхил, Геродот, Пиндар, Софокл в основном значении – «досуг» и в факультативном значении – «отдых», «свобода», «ничегонеделание», «безделье» [4]. Позднее же понятие расширялось и изменялось в пользу конкретных свободных занятий, которыми можно было придаваться на досуге. В первую очередь это были философские занятия, различные обсуждения на отвлеченные темы, лекции, написание сочинений. Таким образом, термин *σχολή* избавился от коннотативной связи с «бездельем» в пользу созерцательного вида деятельности.

Платон полагал, что данный образ жизни непременно связан с дисциплиной и доступен только правильно воспитанным гражданам в духе греческой *παιδεία*. Созерцательная деятельность противостоит телесным желаниям, считает философ: «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их заставляет тело, которому мы рабски служим. Вот по этим причинам – по вине тела – у нас и нет досуга для философии» [5, с. 17-18]. В данном тексте Платон вместо термина *σχολή* использует его прямой антоним – *ἀσχολία*, который в свою очередь принято переводить как «занятость», «дело». Таким образом, досуг приравнивается к философствованию и духовному совершенствованию. На другом же полюсе находится любая другая занятость, отличающаяся от данного интеллектуального занятия. Кто же избегает этого воспитания, становится мелочным, зарождает внутри себя страх, отвра-

щается от справедливости и истины. Наглядный пример приведёт в диалоге «Теэтет», где Сократ описывает софистов, упражняющихся в искусстве убеждения в судах: «...если сравнить тех юношей, что толкаются в судах и тому подобных местах, с теми, что проводят время в философии и ученых беседах, то воспитание первых будет рабским перед свободным воспитанием вторых <...> у последних <...> никогда не бывает недостатка в досуге и своим рассуждениям они предаются в тишине и на свободе» [6, с. 229]. Таким образом, досуг в данном случае мыслится не как время отдыха и не как время, которое можно использовать с какой-либо практической пользой, а как время для выработки добродетелей.

Важной чертой такого времяпрепровождения остаётся её свободный характер – за него не взимаются и не выплачиваются деньги. Оплачиваемый характер деятельности отсылается как раз к ремесленному виду деятельности, то есть к практической цели, что отдаляет индивида от добродетельной жизни. Аристотель в своей «Политике» очерчивает круг занятий свободного гражданина политикой и философией, говоря о других видах деятельности следующее: «...из числа полезных предметов должны изучаться те, которые действительно необходимы, но не все. Поскольку все занятия делятся на такие, которые приличны для свободнорожденных людей, и на такие, которые свойственны несвободным, то, очевидно, следует участвовать лишь в тех полезных занятиях, которые не обратят человека, участвующего в них, в ремесленника. Ремесленными же нужно считать такие занятия, такие искусства и такие предметы обучения, которые делают тело и душу свободнорожденных людей непригодными для применения добродетели и для связанной с ней деятельности» [3, с. 629]. Свободным от ремесленного труда гражданам долженствует быть

воздержанным (чтобы не быть избалованным) и обладать справедливостью в большей степени, для чего требуется изучение философии. От этого зависит добродетельность и счастье всего государства, полагает философ: «Таким людям, пожалуй, в тем большей степени будут нужны философия, воздержность и справедливость, чем более спокойную жизнь они проводят и чем более они пользуются досугом среди изобилия. Поэтому, очевидно, и государство, которому предстоит стать счастливым и добродетельным, должно обладать указанными добродетелями. Если позорно вообще не уметь пользоваться благами, то еще более позорно не уметь пользоваться ими во время досуга...» [3, с. 620].

Досуг как концепт в античной Греции, таким образом, принадлежит лишь гражданской элите общества и во многом сущностно определяет эту элиту. Свободным гражданам необходимо стремиться к процветанию полиса, государства и поддержанию в нем счастья, а для этого необходимо воспитывать в себе добродетели, как этические, так и дианоэтические. Понятие «досуга» (*σχολή*) сочетает здесь как процесс формирования индивидом внутри себя всего спектра добродетелей, так и их воплощение в решении реальных общественных вопросов и в целом в поддержании общественного благосостояния. Досуг представляет в таком случае состояние, в котором индивид находит счастье, а государство – процветание.

Зафиксируем данное определение и переместимся в эпоху возвышения Древнего Рима, когда влияние римской культуры было распространено на большей части Европы. Прежде всего, следует учесть, что ментальность идеального римского гражданина характеризуется дисциплинированностью, прагматичностью и воинственностью. Данные факторы неизбежно влекут за собой определенные концептуальные сдвиги в понимании досуга и его форм

в отличие от его понимания в древнегреческом государстве. Терминологически же досуг и дело, работа закреплены в латинских терминах *otium* и *negotium* соответственно. Термин *negotium* в данном случае понимается как «труд», «работа», приносящая пользу.

Термин *otium* является более динамичным и изменяется на протяжении всей истории Древнего Рима, приобретая и утрачивая коннотативные связи. Как сообщает нам историк Г. С. Кнабе, *otium* мог определяться «...отдых от дел, войны или общественных обязанностей; досуг, отданный творчеству, беседе и размышлениям; наслаждение красотой благоустроенной природы и произведений искусства» [7]. Исследовательница С. А. Доманина указывает, что наиболее полно и информативно *otium* описывает Цицерон в своих работах. Среди значений *otium*, выделенных Цицероном, Доманина перечисляет следующие: 1) мирная жизнь, спокойная жизнь всего общества в отсутствие военных действий; 2) личный досуг, связанный с интеллектуальной деятельностью, занятиями наукой и искусствами [8]. Таким образом, *otium* во времена Цицерона (Поздняя Республика) фиксируется как гражданский мир, к которому должно стремиться любое государство, и время для собственного интеллектуального и духовного совершенствования, для воспитания собственного достоинства (*dignitas*). Не утрачивает он и своего прямого значения – «отдых», «отсутствие дела». Кроме того, *otium* понимался и как почетный отдых государственного деятеля, покончившего с участием в политической жизни государства. Это указывает на положение досуга в римском политическом дискурсе: он мыслится как бесполезный и непрактичный, поскольку теоретизирование и философские беседы не влияют на государственную жизнь. Тем не менее, сам Цицерон полагал, что досуг, направленный на изучение наук, мо-

жет быть полезным государству. Более того, во времена заката Республики, во времена падения нравов и всеобщей коррумпированности Цицерон «...считал даже необходимым предаться философскому (литературному) досугу» [9, с. 44]. Однако общая смысловая обвязка досуга остаётся скорее негативной и воспринимается как бесполезное времяпрепровождение.

Попытку реабилитации досуга предпринимает и представитель римской стоической школы Луций Анней Сенека. Как утверждает исследователь Межеричкий Я. Ю.: «Призыв посвятить себя философскому досугу проходит и через все «Письма к Луцилию»» [9, с. 54]. Сенека полагает, что государственная деятельность, напротив, отдаляет человека от добродетельной жизни. Цель «Писем» в данном случае заключена в необходимости обратить человека к философскому досугу и заставить его оставить государственные занятия. В частности, он пишет: «...стоик не станет изнурять себя грязной и унижительной работой и заниматься делами ради самих дел. И не будет он поступать так, как ты предполагаешь: запутавшись в делах, навязанных честолюбием, терпеть до конца все их превратности» [10, с. 41], и, далее: «Оставь поиски почестей – это вещь спесивая, пустая и непостоянная, ей нет конца, она всегда в тревоге, не видно ли кого впереди, нет ли кого за плечами, всегда мучится завистью, и притом двойной» [10, с. 175]. Однако позиция Сенеки является уязвимой, что замечает и сам автор. Условием для философского досуга является процветающее государство и мудрый правитель, которому, в свою очередь, должен быть благодарен философ за возможность проживать свою жизнь в отвлечении от государственных дел и связанных с ними опасностей. «...Мудрый не станет отрицать, сколь многим он обязан тому, чье управление и попечение даруют ему щедрый досуг, и право

распоряжаться своим временем, и покой, не нарушаемый общественными обязанностями» [10, с. 137], – указывает Сенека.

Однако если есть достойный вид досуга, связанный с нравственным совершенствованием и интеллектуальными поисками, то есть и его антипод, именуемый Сенекой как *desidia* или *iners otium*. Философ с гневом обличает тех, кто утопает в роскоши, бездельничает, ведет извращенный образ жизни, забываясь лишь о том, как наполнить собственный желудок. Их жизнь подобна жизни погребенных заживо или приготовлению к смерти, считает Сенека. Он пишет следующее: «Пусть проводят ночи за вином, среди благовоний, пусть коротают время извращенного бдения за пиром из множества перемен, – все равно они не пируют, а самим себе отдают последний долг» [10, с. 315]. По мнению Межерицкого Я. Ю., Сенека уделяет особое внимание подобным «прожигателям жизни», поскольку они прикрывают своё поведение «философским досугом», компрометируя тем самым настоящих философов и вызывая негодование в обществе по отношению к последним [9, с. 58].

Кроме того, интерес исследователей вызывает принципат императора Нерона, чьим учителем и являлся Сенека. Отмечается, что у Нерона отсутствовал интерес к выступлениям в сенате и к государственной деятельности в целом. Основное его внимание было направлено на сферу досуга, что послужило поводом для недовольства консервативно настроенного населения. Как уже упоминалось ранее, *otium* противопоставлялся *negotium* как работе, делу. Здесь же, поскольку речь идёт о государственном деле, управлении, данная оппозиция обостряется и *otium* противопоставляется уже *res publica*. Сторонники традиционной культуры служения государству не находили в досуге ничего, что могло бы принести ему пользу, и потому вступали в идео-

логическую конфронтацию со сторонниками Нерона, отстаивающими ценности индивидуалистического *otium*. Таким образом, досуг во время правления Нерона был поставлен «...в центр идеологической борьбы» [9, с. 63].

В свете всего вышесказанного мы можем увидеть кардинальное различие в понимании и организации досуга в Древней Греции и Древнем Риме. Досуг в Древней Греции не мыслится в отрыве от политической и интеллектуальной элиты. Более того, данная элита во многом определяется наличием этого досуга. Однако это досуг (*σχολή*) определенного рода: воспитание в себе добродетелей, интеллектуальные упражнения, философские беседы. Досуг здесь мыслится и как способ достижения государственного благосостояния, и как высшая форма этого благосостояния. Дело, занятость мыслится здесь только как некоторое практическое занятие, связанное с ремеслом или физическим трудом.

В Древнем Риме же гражданское самосознание вытесняет философское, в некоторой степени вступает с ним в конфронтацию, а потому собственно дело, работа (*negotium*) начинает занимать главенствующие позиции. При этом, хотя досуг и не теряет одного из своих значений «интеллектуальной деятельности», эта деятельность мыслится в отрыве от политической жизни. Акцент с коллективного благосостояния смещается только лишь на индивидуальное благосостояние и индивидуальное совершенствование. Однако были отдельные представители, которые пытались совмещать созерцательную жизнь вместе с активным участием жизни общины. Так, например, исследователь Биркин М. Ю. сообщает нам, что «...у Плотина и его последователей гражданская деятельность оказывается включенной в философский образ жизни» [11, с. 41]. Однако в большинстве случаев сфера практической жизни оказывается внешней по отно-

шению к созерцательной жизни человека и другим проявлениям *otium*.

Вернемся к вводной части нашей статьи. Безусловно, с древних времен понятие «досуга» ещё неоднократно изменяло своё содержание, однако всё же нам есть, что взять у древних. Общая позитивная часть понятия досуга, объединяющая греков и римлян, – это понимание досуга в качестве некоторого интеллектуального усилия, анализа собственной личности и её дальнейшего духовного совершенствования, рефлексия своего опыта, в конце концов, занятие философией. Безусловно, здесь нет призыва для всех – становится профессиональными философами; напротив, здесь мы можем предпринять попытку сделать некоторую остановку в своей непрерывной деятельности, которой от нас требует современный капитализм, для того, чтобы отразиться собственное положение в этой системе, а также для того, чтобы оказаться на почве, дающей оттолкнуться в пространство творчества. Философ Дж. Агамбен подметил, что именно созерцательная жизнь и способность к не-деятельности вообще открывает для нас наш же скрытый потенциал и возможности. И, напротив, невозможность заметить и осознать

собственную неспособность для какого-либо дела или профессии ослепляет человека: «... все просто-напросто прогибаются, пытаюсь соответствовать тому уровню гибкости, которого на сегодняшний день больше всего требует от каждого из нас рынок» [12, с. 76]. Именно для этого и нужно интеллектуальное усилие, приостановка, рефлексия, получающая наибольший импульс во время досуга. Мы полагаем, что такой досуг разворачивает оптику отдельного индивида с мира и всех его притягательных проявлений на самого индивида, позволяет заглянуть внутрь себя и, может быть, отказаться от привычных занятий и ритмов в пользу истинного понимания того, кем он является. Речь здесь идет о досуге или бездеятельности как о практике «... раскрывающей и созерцающей в деле, прежде всего, способность, ту способность, что не предшествует делу, а сопровождает и оживляет его и открывает его в возможности» [13, с. 63]. Таким образом, это не просто интеллектуальное упражнение, это раскрытие в себе творческого потенциала, наполнение своей последующей деятельности реальным, позитивным и осмысленным содержанием.

Список литературы / References

1. Карпюк Сергей. Сословие и гендер в Древней Греции. URL: <https://postnauka.org/video/65818> (дата обращения: 01.12.2024).

Sergey Karpyuk. Class and gender in Ancient Greece. URL: <https://postnauka.org/video/65818> (In Russ.).

2. Мишулин М. В. Спартак. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1950. – 147 с.

Mishulin M. V. Spartacus. – Moscow: State Educational and pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1950. – 147 p. (In Russ.)

3. Аристотель. Политика. / Сочинения в четырех томах. Т. 4. – М.: Издательство «Мысль», 1983. – С. 375–644.

Aristotle. Politics. – Moscow: Publishing house "Mysl", 1983. – pp. 375–644. (In Russ.)

4. Фролов Э. Д. Феномен досуга в античном мире. – URL: <https://web.archive.org/web/20160305001449/http://centant.spbu.ru/centrum/publik/books/paradoxa/020.htm> (дата обращения: 01.12.2024).

Frolov E. D. The phenomenon of leisure in the ancient world. – URL: <https://web.archive.org/web/20160305001449/http://centant.spbu.ru/centrum/publik/books/paradoxa/020.htm> (In Russ.)

5. Платон. Федон. / Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. – М.: Издательство «Мысль», 1993. – С. 7-80.

Plato. Phaedo. – Moscow: Publishing house "Mysl", 1993. – pp. 7-80. (In Russ.)

6. Платон. Теэтет. / Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. – М.: Издательство «Мысль», 1993. – С. 192-274.

Plato. Theaetetus. – Moscow: Publishing house "Mysl", 1993. – pp. 192-274. (In Russ.)

7. Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность: Очерки. – М.: Искусство, 1986. – 208 с.

Knabe G. S. Ancient Rome – history and everyday life: Essays. – Moscow: Iskusstvo, 1986. – 208 p. (In Russ.)

8. Доманина С. А. Многозначность понятия *otium* в трудах римских авторов эпохи Поздней Республики. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1. – С. 56-59.

Domanina S. A. Variety of meaning in the concept of *otium* in the writings of Roman authors of the Late Republic. // Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. – 2012. – No. 1. – pp. 56-59. (In Russ.)

9. Межелицкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. – М.: Наука, 1988. – С. 41-68.

Mezheritsky Ya. Yu. Iners otium // Everyday life and history in antiquity. –

Moscow: Nauka, 1988. – pp. 41-68. (In Russ.)

10. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Наука, 1977. – 381 с.

Lucius Annaeus Seneca. Moral letters to Lucilius. – M.: Nauka, 1977. – 381 p. (In Russ.)

11. Биркин М. Ю. Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2016. – № 11. – С. 38-46.

Birkin M. Notion about active and contemplative life. From Plato to Christian patristics. RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series. 2016;(11):38-46. (In Russ.)

12. Агамбен Дж. О том, чего мы можем не делать // Нагота. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2014. – С. 74-77.

Agamben G. On What We Can Not Do // Nudity. – Moscow: Grundrisse Publishing House, 2014. – pp. 74-77. (In Russ.)

13. Агамбен Дж. Что такое акт творения? // Костёр и рассказ. – Moscow: ООО «Издательство Грюндриссе», 2015. – С. 45-72.

Agamben G. What Is the Act of Creation? // The Fire and the Tale. – Moscow: Grundrisse Publishing House, 2015. – pp. 45-72. (In Russ.)

Информация об авторе

Некрасов Михаил Сергеевич, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии. e-mail: mikhnekrasov-1@yandex.ru

Information about author

Nekrasov Mikhail Sergeevich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy. e-mail: mikhnekrasov-1@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.12.2024; принята к публикации 18.12.2024.
Received 03.12.2024; Accepted 18.12.2024.

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.71-77>

Историческая наука и нарративы в эпоху постмодерна

Тавобелов Д.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются новые аспекты, которые вносит постмодерн в историческую науку. Ставится вопрос о том, как постмодернистский взгляд на историческое исследование под воздействием историка и его языка вносит изменения в научную реальность. Автор выясняет, какое место занимает истина в историческом познании в ситуации постмодерна и какими способами исторические произведения сближаются с произведениями литературными.

Ключевые слова: историческая наука, постмодерн, нарратив, литература

Для цитирования: Тавобелов Д.Р. Историческая наука и нарративы в эпоху постмодерна. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67)):71–77.

Historical Science and Narratives in the Postmodern Era

Tavobelov D.R.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article examines the new implications of postmodernity for historical science. It considers how the postmodern approach to historical research, shaped by the historian's perspective and language, alters the nature of scientific reality. It also explores the relationship between truth and historical knowledge, and the ways in which historical works interact with literary works.

Keywords: historical science, postmodern, narrative, literature

For citation: Tavobelov D.R. Historical Science and Narratives in the Postmodern Era. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;(4 (67)):71–77. (In Russ.)

Введение

Постмодерн как философская парадигма представляет собой ответ на тенденции, которые начали проявляться в культуре с середины XX века. Этот период характеризуется отходом от метафизических и абстрактных теорий и смещением внимания к социальным и политическим аспектам реальности.

Историческая культурная среда второй половины двадцатого столетия довольно сильно изменяет стратегию творчества. Традиционно творчество понималось как создание нового, но постмодерн изменил эту трактовку на принцип перегруппировки сущего или комбинаторики. В связи с этими изменениями полностью меняется со-

держание творческой составляющей культуры.

Изменения в подходах к творчеству находят отражение и в исторической науке, где на смену серьезной традиции модерна приходит ирония и ироническое переосмысление, а на смену возвышенному творческому созиданию – высмеивание, уничтожение и, конечно, собирание пазла из остатков развалившейся истории.

Существенное влияние постмодерн оказал на историческую науку, меняя подход теоретиков к историческому знанию и нарративам, которые представляются как реальность в виде рассказа, в котором события раскрываются в контексте повествования. Исследователи начинают обращать свое внимание не только на само содержание, но и на способы его создания. Нарратив распространяется дальше, чем просто репрезентация событий в СМИ, он затрагивает «рассказовые структуры», складывающиеся по законам литературного повествования. Содержание нарратива зависит от позиции рассказчика. Постмодерн также внес новые особенности в историческую интерпретацию, подчеркивая социокультурные аспекты исторического бытия отдельного человека.

Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания стал одним из самых значимых проблемных полей в философии постмодерна. Однако, помимо этого, исторический нарратив явился еще и объектом рассмотрения во многих научных областях (в социологии, культурологии, лингвистике, литературоведении и т.д.), где он рассматривается как результат именно научной деятельности. Возникло противоречие: нарративы исторического познания – это область научного мышления или мир субъективных установок и мнений, эпистема или докса? Проблема усугубляется еще и тем, что исторический нарратив представляет

собой специфическую форму нарратива, в которой осуществляется конструирование автором и читателем истории как целостности. В своем обращении к прошлому исторический нарратив не просто корреспондирует, но и обозначает (*означивает*) прошлое с помощью языка познающего, являясь средством интерпретации исторической реальности.

Изменения в историческом исследовании затронули также сами принципы получения знаний о прошлом, стала очевидной дистанция между событием и рассказом историка, что неизбежно привело к устойчивому ощущению искажения прошлого в исторической науке и вызвало сомнение в достоверности получаемых знаний [1, с 158]. Конец прошлого столетия обозначил собой старт «нарративного поворота» в гуманитарных (в частности, социальных) науках [2, с. 42]. Это привело к мысли, что содержание разных форм знания можно осознать только через анализ их нарративной составляющей. В какой-то мере это положение дополнило лингвистический поворот, в частности возникшее в его рамках стремление опираться на язык при исследовании социальных, политических и культурных проблем.

Об истине в историческом познании

В эпоху модерна были разработаны весьма точные представления об условиях получения научного знания: исследователь-историк представлялся в роли стороннего наблюдателя в отношении к прошлым и настоящим событиям истории [3, с. 14–16]. Целью деятельности являлась реконструкция прошлого, причем реконструкция объективная, опирающаяся на факты.

Значение влияния философии постмодерна на историческую науку было обнаружено и оценено не сразу. Лишь отдельные историки почувствовали важность новейших установок для со-

циальных наук, гуманитарных знаний в целом и исторического познания в частности [4, с. 48].

С конца XX столетия историческая наука находится в кризисном состоянии, и мировосприятие, которое опирается на постмодернистские идеи, бросает серьезный вызов исторической теории, касаясь именно ее научного статуса. Представители философии постмодерна при взгляде на исторический процесс зачастую приходят к ненаучным выводам [5, с. 27-30]. Здесь можно вспомнить известных американских историков Ч. Брид и К. Беккера, которые пишут о создании фактов прошлого, а не об их воспроизведении. Историк, по мнению этих авторов, создает историческое знание субъективно, что лишает историческое познание научности.

Эти идеи показывали важность переосмысления роли историка и самой природы исторического знания в условиях постмодерна. В связи с этим возникает необходимость адаптации исторической науки к новым реалиям, что приводит к изменению подходов к интерпретации исторических событий и фактов.

Можно сказать, что в нынешнем дискурсе постмодерн движется по нескольким направлениям в своем развитии. Первое направление предполагает осознание неопределенности в познании исторических фактов как нормального состояния исторического дискурса. Второе решает задачу создания собственного инструментария для интерпретации исторической реальности, чтобы по-новому взглянуть на традиционные и устоявшиеся темы и задать следующий вектор развития исторических исследований.

В ситуации кризиса исторической науки, когда сама научность истории ставится под сомнение, возникает нужда профессиональных историков обосновывать научный статус этой дисциплины.

Сами истоки критики историзма можно отыскать у Ф. Ницше, а точнее, если обратиться к произведению «Воля к власти». Его концепция действительности как текста, который подлежит истолкованию, является основой критики историзма. Ницше пишет об интерпретации, утверждая, что существует множество вариантов истолкования одних и тех же фактов. Он идет дальше и заявляет, что фактов и вовсе не существует, а есть только интерпретации. Историк не сможет описывать историю как события, которые происходили «на самом деле». Эти идеи повлияли на М. Фуко и на то, что для него является историей. Фуко сообщает нам, что после Ницше остается только отбросить саму идею постижения истины, а то, как историки смотрят на прошлое, изучая его как некое непрерывное развитие, должно подвергнуться «демонтажу». Для Фуко история – разрыв непрерывности и отсутствие какой-либо закономерности, это действие бессознательного. Любой исторический источник для Фуко – продукт коллективного сознания, который является памятником мысли, что означает самостоятельность содержания, а это, в свою очередь, основание для филологического взгляда на историю как на вид художественной литературы.

Однако, представляется, что в историческом познании невозможно избежать проблемы истины, потому что она необходима для самой возможности историописания. Х. Уайт пишет: «История определяет себя и свою природу в контрасте с фикцией, с одной стороны, и философией, с другой. Во многих отношениях практика истории определяется не тем, что она делает, а тем, что она не делает» [6, с. 41].

Когда историк использует нарративные приемы и тропы для придания смысла прошлому, возникает исторический текст, который не является простым изложением фактов, а представляет собой сложный конструктор.

Взгляд на исторический текст как на что-то целое – это новый взгляд. Раньше историк проводил исследования, изучая каждое предложение, подвергая его оценке на истинность. Л. Минк по этому поводу считал: «Если вы рассматриваете каждое из предложений исторического текста и ищите в нем истинную ценность, вы найдете, скажем, пятьдесят процентов истины и пятьдесят процентов фальши» [6, с. 44]. Эва Доманска полагает, что современные теоретики истории не отрицают существование истины, но указывают на то, что она, как и реальность, относительна [6, с. 387]. Доманска подчеркивает, что все наши утверждения о реальности – своего рода конструкции для интерпретации мира. Для нее нет проблемы с истиной, но есть проблема с адекватностью и аккуратностью интерпретаций.

Об олитературировании исторического дискурса

В постмодернистской парадигме для исторического исследования в качестве объекта анализа в приоритете оказываются литературные тексты, тогда как исторические документы становятся достоянием литературы [1, с. 123]. Если мы признаем идею, что окружающая наша действительность становится познаваемой только как текст, как «литературный» дискурс, это сталкивает нас с теорией «нарратива», которую разработали знаменитые постмодернисты Ж. Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон. Согласно этой теории, даже представители других, негуманитарных научных сообществ занимаются рассказыванием историй, так, например, биологи рассказывают истории о структурах, функционировании и эволюции организмов. Весь мир предстает перед нами как история, и эта история литературная. «Литературный», нарративный взгляд на историческую науку оказался довольно популярным среди теоретиков.

Х. Уайт воспринимает историю как некую форму словесности, представленную в виде сюжета. Изучая и описывая прошлое, историк находит именно сюжеты событий. Уайт лишает историю научного статуса, разделяя ее на такие модусы как романс, трагедия, сатира, комедия.

Автор проекта «переосмыслить историю» А. Манслоу тоже отстаивает мнение, что история – не что иное, как литература [7, с. 72]. Он заявляет, что историки начинают не с механики описания, а всего лишь с артефактов прошлого. Но стоит сказать, что Манслоу, описывая «механику историописания», сам не выдвигает радикально обновленных способов мышления над прошлым, настаивая на добавлении каждым автором щепотки своих собственных ценностей. В таком случае, история превращается в настоящее художественное произведение, которое не изучается, не исследуется, а пишется и сочиняется.

Американский исследователь Л. Минк не воспринимает историю как простую последовательность событий, развертывающихся во времени. Минк задался вопросом об историческом исследовании: «Как история остается нарративом, при исследовании фактов?» [8, с. 60] История для него – некая модель понимания, внешнее очертание или форма, словно конфигурация, восприятие объекта как образа, как сеть отношений. Минк также утверждал, что отношение к истории как к истинному представлению о прошлом – порождает серьезные проблемы для самой истории, так как искажает сам предмет истории [9, с. 183].

Номинальное разграничение между историей и литературой, а также описание их различий предпринял П. Рикер в своем заключительном труде «Память, история, забвение», в котором постарался описать двойственную природу исторического знания. Он постарался составить порядок выстраивания сту-

пеней исторического исследования, создав трехактовую структуру. Первый этап будет архивным, здесь историк работает с памятью, работает со свидетельствами и документами прошлого, преобразуя их в источники. Далее идет герменевтическая работа: реализуется установка восприятия и разъяснения. В конечном итоге историком создается целостная историческая репрезентация, и, как пишет Рикер, именно на этом этапе возникает проблема нарративной формы и проблема стратегии аргументации [10, с. 359-369]. Рикер настаивает на разнице в выдумке у писателя (его игры воображения) и репрезентацией исторического события у исследователя.

В большинстве своем, историк не задумывается по поводу значимости вопросов о соотношения истории и текста, истории и нарратива. Скорее всего, историк будет действовать в рамках простой и привычной ему работы с источниками. Сам язык, само содержание, а также использование материала не подталкивают к размышлению о соотношении истории и литературы [11, с. 120]. Однако история тесно связана с нарративами, исторические события невозможно просто зафиксировать в текстах и хрониках. Каждый исторический текст является конструкцией, которая возникает через призму взглядов автора, его мировоззрения и культурных норм.

Постмодернистский взгляд на исторические исследования учитывает возможность языка (и текста) формировать историческую реальность. Постмодерн привносит новый взгляд на текст и нарратив, подчеркивая их значимость в этом формировании и требуя от исследователя осознания этих аспектов. Таким образом, постмодерн оказал огромное влияние на становление современной теории исторической науки: усиливая кризисное состояние в исторической теории, постмодерн открывает новые способы познания прошлого.

Заключение

Иногда постмодерн можно воспринимать как переходную ситуацию, как критический период исторического развития общества. Такая ситуация неоднократно возникала в истории человечества. И каждый раз казалось, что наступил конец истории и культуры, «конец века». Это ситуация неустойчивости между устойчивыми культурными эпохами, переосмысление и иронический пересмотр одной культурной эпохи теоретическими средствами другой. В ситуации постмодерна таким средством переосмысления прошлого стало понятие нарратива.

Само понятие «нарратив» также становится объектом изучения во многих областях научного знания, вместе с этим изменяется и порядок получения знания об исторической реальности [12, с. 49]. Нарративный поворот вызван ситуацией, в которой находится современность. Современная историческая наука нарративизирована, ее искреннее желание найти абсолютно однозначное историческое знание испарилось, идея нестабильности принята, темпоральность признана, а вслед за всем этим создан особый подход к пониманию мира, который предполагает конвергенцию деятельности ученого и писателя [5, с. 194]. Историческая наука сближается с литературой. История больше не воспринимается как способ повествования о фактах. Многие исследователи соглашались с мнением, что отношение к истории как к правдивой передаче прошлого порождает серьезные последствия для исторической науки, искажая ее предмет.

Взгляд постмодерна на исторические исследования учитывает возможности языка формировать историческую реальность. Историк сознательно или бессознательно выстраивает свои тексты в соответствии с традициями и риторикой, преобладающей в их времени. Исторический сюжет выстраивает повествование,

опираясь на привычки мысли и нормы языка определенной культуры. Описывая историческое событие, исследователь придает своей работе определенную историко-литературную форму, в связи с чем стирается грань между художественной работой и историческим исследованием. В итоге получается «историческое произведение».

Э. Доманская писала: «Он [постмодерн] вскрыл, что историческое есть

не более чем миф, иллюстрирующий наше беспрестанное стремление воспринимать мир как упорядоченный, и чья аксиология сводится к двузначной логике (плохое и хорошее). Постмодерн выполнил важную роль – потряс нас. Он никак не решил никакие проблемы современной культуры, но показал, что история – история жизни. Он напомнил, что история – литература» [6, с. 388].

Список литературы / References

1. Кусаинов А. А. Историческая наука в эпоху постмодерна // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 121-125.
2. Келли А. В. Учебная программа: теория и практика / А. В. Келли. 5-е изд. – Л.: Мудрец, 2004. – 240 с.
3. Kelly A.V. The Curriculum: Theory and Practice, 5th edn. – L.: Sage. – 240 p.
3. Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Д. В. Задонский. М.: АСТ, 2000. – 256 с.
4. Барг М. А. Индивид – общество – история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 257.
5. Трубникова Н.В. Позволить прошлое как историю: о влиянии постмодернизма на историописание в XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 192-198.
6. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
7. Манслоу А. Мысли об авторстве прошлого как истории // Переосмысление истории. 2016. № 4. С. 50-79.
- Munslow A. Thoughts on authoring the past as history / A. Munslow // Rethinking History. 2016. № 4. P. 50-79.
8. Минк Л. О. Историческое понимание / Л. О. Минк. – Нью-Йорк.: Издательство Корнельского университета, 1987. 360 с.
- Mink L.O. Historical Understanding. – Ithaca (New York): Cornell University Press, 1987. 360 p.
9. Минк Л. О. Повествовательная форма как инструмент познания. Историческое понимание / Л. О. Минк. – Мэдисон.: Университет Висконсина, 1978. – 324 с.
- Mink L.O. Narrative Form as a Cognitive Instrument. Historical understanding. – Madison: University of Wisconsin Press. 1978. 324 p.
10. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. П.: Ле Сёй, 2000. 369 с.
- Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. – P.: Le Seuil, 2000. 369 p.
11. Подлевских Л. Г. Значение постмодернизма для теории исторической науки // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 4 (1). С. 27-30.
12. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. №1. С. 41-53.
13. Меньшиков Л. А. Постмодерн в искусстве: исторический и семиотический аспекты // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2021. № 6. С. 200-212.

Информация об авторе

Тавобелов Динар Радикович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-фило-софских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. e-mail: digidihamer@gmail.com

Information about author

Tavobelov Dinar Radikovich, post-graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. e-mail: digidihamer@gmail.com

Поступила в редакцию 02.12.2024; принята к публикации 19.12.2024.

Received 02.12.2024; Accepted 19.12.2024.

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.4.78-90>

**Читая «Фишера»: к формированию нового
социально-философского дискурса**

Терещенко Н.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Одной из серьезных проблем современной социальной теории в целом и социальной философии в частности является проблема выработки адекватной историческим реалиям методологии. Проблема осложняется тем, что до недавнего времени при всем внешне разнообразии, которое можно назвать ризоматичностью, методологическая палитра была западоцентристской и в этом плане монохромной. Однако необходимость пересмотра научных и философских принципов обнаружила очень серьезную проблему: в академическом сообществе проявились две противоположные тенденции, равно негативно сказывающиеся на общей картине развития теории. Первая – запуск механизм отмены любой иной знаниевой процедуры, не укладывающейся в некоторый идеологический проект. Вторая – конструирование автономного дискурса, в основе которого, однако, тоже лежит принцип негативности, так как он строится на провозглашении принципиального отличия от доминирующей процедуры (дискурса) осуществления власти через власть знания. Автор утверждает, что опыт, накопленный социальной философией в историческом срезе ее существования, необходимо пересмотреть и включить в сегодняшний теоретико-методологический арсенал. Траектории возможного включения рассматриваются через чтение работ Маркс Фишера, которые могут стать точкой сборки образов, смыслов, способов концептуализации, идей, появляющихся в социальной философии сегодня.

Ключевые слова: Капитализм, посткапитализм, капиталистический реализм, кислотный коммунизм, карта, архив, поверхность.

Для цитирования: Терещенко Н. А. Читая «Фишера»: к формированию нового социально-философского дискурса. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024; (4 (67)):78–90.

**Reading ‘Fischer’: Toward the Formation
of a New Socio-philosophical Discourse**

Tereshchenko N.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. One of the serious problems of modern social theory in general and social philosophy in particular is the problem of developing a methodology adequate to historical realities. The problem is complicated by the fact that

until recently, with all the external diversity, which can be called rhizomatic, the methodological palette was West-centric and, in this respect, monochromatic. However, the need to revise scientific and philosophical principles has revealed a very serious problem: two opposing tendencies have emerged in the academic community, which have an equally negative impact on the overall picture of theory development. The first is the launching of a mechanism for canceling any other knowledge procedure that does not fit into some ideological project. The second is the construction of an autonomous discourse, which, however, is also based on the principle of negativity, as it is built on the proclamation of a fundamental difference from the dominant procedure (discourse) of exercising power through the power of knowledge. The author argues that the experience accumulated by social philosophy in the historical cross-section of its existence needs to be revisited and incorporated into today's theoretical and methodological arsenal. The trajectories of possible inclusion are examined through a reading of Marx Fischer's works, which can become an assemblage point of images, meanings, ways of conceptualization, and ideas emerging in social philosophy today.

Keywords: Capitalism, postcapitalism, capitalist realism, acid communism, map, archive, surface

For citation: Tereshchenko N.A. Reading 'Fischer': Toward the Formation of a New Socio-philosophical Discourse. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024; (4 (67)):78–90. (In Russ.)

Введение

То, что в социальной теории возникла ситуация несоответствия языка описания предмету исследования, стало ясно уже давно. Одним из самых ярких симптомов этого несоответствия (хотя, как ни странно, не вполне очевидных) был сдвиг от гносеологии, но не к онтологии, о чем говорили очень много в рамках так называемого онтологического поворота, а к эпистемологии. Картину, приведшую к этому сдвигу, М. Фуко назвал эпистемологической паникой, которая была следствием наложения друг на друга ряда теоретических парадигм и сложности выстраивания научной, следовательно, универсальной картины исследуемого объекта. Но была еще одна причина этого сдвига. Знаниевые процедуры стали очень важными механизмами реализации властных отношений, что выразилось, например, в формировании социологии знания, концепции власти знания и т.д. Разворачивание проблематики познания в этом направлении сделало очевидным тот факт, что процесс познания все больше

и больше связывается с идеологическими и политическими реалиями, что проблема познания становится не просто проблемой поиска истины, а проблемой поиска эффективных форм управления с помощью знаниевых процедур, независимо от истинности их результатов. Именно эту ситуацию Лиотар зафиксировал в тезисе о том, что знание сегодня проверяется не на истинность, а на эффективность [1, с. 12]. В этой ситуации проявились две (как минимум) тенденции. Первая – попытка универсализировать дискурс, запустив механизм отмены любой иной знаниевой процедуры. Вторая – стремление сконструировать некоторый автономный дискурс, дающий возможность принципиально отличной от доминирующего дискурса, задающего процедуры осуществления власти через власть знания. Представляется, что оба эти пути чреваты односторонностью и формой политизированной тотальности. Мы предлагаем рассмотреть версию диалога парадигм, поиска точек соприкосновения дискурсов для понимания того, на каких

основаниях может выстраиваться новый социально-философский дискурс, в частности, в российском академическом пространстве. Дискурс, позволяющий не просто реализовывать властные стратегии, а быть действительно инструментом анализа и интерпретации наличной социально-исторической ситуации. Оговоримся сразу: это не претензия на некую теоретическую модель, а попытка найти ее возможные основания исходя из обнаруженного сходства социокультурных состояний, антропологических характеристик, напечатлевающих на современную реальность.

Методология

Методологически мы будем опираться на принцип «насыщенного описания», цель которого, в формулировке К. Гирца (оговоримся: он формирует его для антропологии, но, думается, мы можем позволить себе вольность распространения его и на социальную теорию в целом), заключается в «расширении границ человеческого дискурса» [2, с. 181]. При этом Гирц говорит, что задача состоит не в том, «чтобы ответить на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы сделать для нас доступными ответы других, ... и тем самым включить эти ответы в доступную нам летопись человечества». Снизим немного пафос «летописи человечества» и получим подход, дающий возможность включения самых разных и неожиданных сторон человеческого теоретического опыта и результатов практической деятельности в процесс выработки нового социально-философского дискурса. Главное при этом – не подшивать эти ответы друг к другу «намертво», оставляя зазоры, пробелы, возможность воздуха и дыхания.

Закавыченное имя Макса Фишера в названии, конечно, отсылает нас к работе Ж. Деррида «Страсти по «Фрейду» [3], которая, в свою очередь, показывает необходимость включения

в методологический арсенал принцип «концептуального персонажа» Делеза и Гваттари [4]. Фишер, как и Фрейд у Деррида, является для нас не столько исследуемой фигурой, сколько поводом, осью собирания разных граней теоретического и художественно-эстетического опыта, дающих возможность работы теоретического воображения, которое уже как следствие сформирует и сам образ философа, о котором идет речь. Здесь также будет работать принцип исследования культуры В.С. Библиера, который он сформулировал как принцип драматизма художественного произведения «Те же и Софья...» [5, с. 33], а следовательно, и вся традиция диалогового понимания культуры, широко представленная в отечественном дискурсе (Бахтин, Лотман и др.) Более конкретно эти подходы будут реализованы через принципы/ метафоры карты, архива и плоскости.

Результаты и обсуждения

Итак, наша задача – при выработке новых теоретических подходов и пересмотре прежних установок «не выплеснуть вместе с водой и ребенка», не уйти в теоретическое сектанство и не забыть о тех достижениях, которые были сделаны в границах мировой классической и неклассической философии XIX–XX веков. Тем более, если исходить из того, что мы живем сегодня в общей социально-исторической скобке, именуемой «капитализм» (опустим сейчас его трансформации и модификации «пост», инклюзив и т.д., и т.п.), то мы безусловно производим сходные идеи и образы, отражающие ситуацию, мы антропологически созданы одними социально-культурными механизмами. Следовательно, рефлексия этих состояний и идей не может не быть полезной. А уж потом определимся с особенностями и различиями.

Поводом к написанию этой статьи стало знакомство с курсом (недочитан-

ным) лекций Марка Фишера «Посткапиталистическое желание» [6], который должен был предварить его работу «Кислотный коммунизм», задуманную, но не написанную, существующую в некоторых набросках. Казалось бы, «что он Гекубе, что ему Гекуба?». Однако рассуждения английского культуролога, музыкального критика, блогера, как оказалось, легко резонируют с самыми разными идеями и образами иных пространств и разных времен, глубоко созвучными сегодняшним теоретическим задачам отечественной социальной философии. Объяснить такое неожиданное сходство постараемся через метафоры карты, архива и плоскости.

Карта – инструмент работы географа, археолога, этнографа, антрополога. Это схематичная фиксация поля, на котором размещен предмет теоретической деятельности. В процессе работы какие-то фрагменты карты попадают в поле нашего зрения и вдруг становятся связанными с совершенно иными зонами/ смыслами. Это то странное, уже идеализированное, то есть минимально теоретизированное поле, в котором мы находимся. Мы фиксируем точку, зону на карте и от нее выбираем направление движения, которое может меняться в зависимости от зоны захвата краев. Так, например, меняется представление об условном начале эпохи постмодерна: середина 20 века/ первая мировая война/ переходные эпохи, например, барокко/ уже Гомер/ ВСЕГДА.

Так, в метафоре карты в одно пространство попадают самые разные феномены. Например, Стюарт Джеффрис использует метафору карты, объясняя феномен постмодерна через «семейное сходство» разных явлений, попавших в горизонт этой культуры через сеть подобий и наложений друг на друга различных свойств и незначительных сходств явлений, дающих понимание единства хронотопа эпохи

[7, с. 20-21]¹. В этом «семейном сходстве» обнаруживается то, что Сильвен Тессон назвал «неизменными величинами человеческой души» [8 стр. 38].

Постмодерн, по словам Лиотара – это мироощущение современности. Это эпоха, которая отодвинула своеволие рационального и обнаружила сходства в чувственном восприятии мира человеком самых разных культур, некоторое антропологическое единство травмы, надлома, надрыва, но покинула пространство истины².

Вторая метафора – архив. Архив предлагает особый способ отбора единиц хранения: не по значимости, не по иерархии, а по неожиданно обнаруженному сходству. Здесь нет некоего единого принципа, как, например, в библиотеке, в музее: персонаж, автор, жанр. Нет и витающего духа иерархии. Значимость не идет впереди артефакта. Сопоставление, как казалось, несопоставимого приводит к втягиванию новых артефактов в пространство архива и вытеснению из поля актуального того, что вчера было значимым. Вытеснению, но не удалению. Может быть, придет время. «До Марселя Дюшана ни одному художнику не приходила в голову мысль сопоставлять «Мону Лизу» с ее деформированной репродукцией, до Деррида никто на философски значимом уровне не сравнивал мышление с мастурбацией. Каждое явление нового в основе своей является

¹ Однако здесь отметим одну важную особенность. Постмодерн пишет Джеффрис, это «зонтичный термин», охватывающий самые разные феномены, но так как они слишком разные, говорящий о них становится «ненадежным нарратором», точность оценки которого сомнительна. [7, с. 20-21]

² Даниэл Деннет говорит о целом поколении гуманитариев, «страдающих недоверием к самой идее истины и отсутствием уважения к научным доказательствам, довольствующихся «дискуссиями», в которых никто не может ошибаться и ничто не может быть доказано, а может только утверждаться любой группой, которую вы захотите собрать» [цит. по 7, с. 21].

новым сопоставлением чего-то, что до того еще не было сопоставлено, поскольку это никому не приходило в голову», – пишет Б. Гройс [9, с. 60].

Метафора карты также приводит нас к метафоре плоскости. Плоскость – это третья метафора. Это другая топология и топография дискурса. Если классика живет в ландшафте высот и глубин, то современная нам постмодернистская мысль не видит ландшафт. Все растягивается в плоскую поверхность. Обсуждая в последней из пяти лекций книгу Лиотара «Либицинальная экономика» [10], начинающуюся с многостраничного описания умозрительного растягивания тела в плоскость и поверхность, Фишер, рассуждая о значении у Лиотара концепта «великий Ноль», предполагает, что главное здесь – констатация отсутствия внутреннего и внешнего, превращения одного в другое, в котором осуществляется со-прикосновение и со-возможности близости совершенно невообразимых органо-плоскостей. Тело, растягиваемое в поверхность. Одномерность. Одновысотность, однопорядковость. Если, конечно, слово порядок здесь уместно. Иными словами, нет рельефа, нет высоты/глубины, нет иерархии, нет неизбежно возникающего при иерархии удвоения. Зрима и осязаемая имманентность. Великий Ноль [6, с. 172–174]. Везде и всегда (кстати, это слова мы находим в названии книги Джеффриса Стюарта: «Все. Всегда. Везде. Как мы стали постмодернистами»). В некоторую воронку втягивается не только пространство, но и время. Будем двигаться по (от) этой плоскости, в имманентности которой со-прикасаются очень неожиданные вещи. Это странные соприкосновения, складки, возникающие при отсутствии высоты и глубины. Как в детском стихотворении Бориса Заходера «Глобус попал под автобус»:

Возле экватора плавают льдины
Гуляют пингины в степях Украины

А по шоссе на дорогах Европы
Бегают тигры, слоны, антилопы.

Начнем со странной ассоциации, временной складки, которая не отпускала меня при чтении: Марк Фишер. Марк – апостол, а среди апостолов – рыбаки (Фишер), да мытари. Марк, евангелист, апостол из семидесяти. Сведения о нем, как и положено, противоречивые, и это не наш предмет разговора. Как полагают источники, он мог видеть Христа, но не был его учеником. Он был учеником апостола Петра. Поэтому Евангелие от Марка может быть и «евангелием глаза», и «евангелием уха». Он – апостол другого поколения призванных. Фишер родился в 1968 году. Если, по словам Мишеля де Серто, за спиной Мишеля Фуко стоял человек 68 года, то за спиной Фишера стоял человек, за спиной которого стоял человек 68 года. Он видел тех, кто видел, и слышал тех, кто слышал. Марк Фишер, который очень критично относился к термину постмодерн (хотя так от него и не избавился), принадлежал к поколению тех, кто вышел на авансцену через 20 лет после событий 68 года. Это уже рецепция постмодерна и еще больший градус ressentiment. Это своеобразный ressentiment Ницше, который проявлялся в его рассуждениях об отношении к истории: монументальное – тоска по тому, что все великое уже осуществилось, и объективистско-гербарийное – желание оставить прошлое в прошлом, все, в том числе и великое. Это ressentiment Фрейда с его Эдиповым комплексом. Сильвио Тессон задается интересным вопросом: не стоило ли нам, отодвинув Эдипов комплекс, создавать культуру с феноменом Телемака, не собирающегося убивать своего отца, а ищущего его и помогающего осуществить справедливость? «Телемак становится взрослым и прощается с детством, не прибегая к помощи Зигмунда Фрейда», – иронично замечает Тессон [8, с. 70]. Может быть,

наша история шла бы какими-то другими дорогами? Но нам, поверившим Фрейду, достались тоска и скука. Фишер будет говорить о погашенном оптимизме и активизме 60-х годов, видя в этом угасании основную проблему современного ему мира.

Здесь вернемся к метафоре плоскости и складки. Пространство и время обнуляется в растягивании ландшафта, выравнивании поверхности и одно-временном складывании, стягивании времен. Илья Эренбург в 20-е годы пишет эссе «Виза времени» [11].¹ Первая запись. Он пишет из Берлина. Из города, который он не любит, из которого хочется убежать в Париж, Рим, Мадрид. Главной чертой этого города он называет тоску (!). Правда, она не такая всеохватывающая, как в Париже и Риме, но тоска... И скука... (скуку чуть позже будет петь Хайдеггер как возможность философствования, но это уже другой разговор). В Берлине есть коммунисты и национал-социалисты, пишет Эренбург. Они борются друг с другом, и эта реальная борьба позволяет хоть немного надеяться на будущее. Будущее связано с тем, что мы хотим изменить то, что есть. Вопрос, какова будет траектория движения. Но есть и более страшный вопрос: а будем ли мы что-то менять? Импотенция воли, импотенция страсти. Вопрос о будущем в горизонте возможного или невозможного. Уже сто лет назад. Тоска и отсутствие будущего. Правда, сегодня эта тоска и пустота еще более ощутима. Фишер пишет о посткапитализме. Это уже не капитализм, конец которого вообразить сложнее, чем конец света, о чем он пишет в «Капиталистическом реализме» [12, с. 12]. Что тогда, если капитализм сам по себе не преодолит? Что дает приставка «пост-»? Ничего. Фишер постоянно возвращается к термину постмодерн, хотя и постоянно

его критикует, пытается от него уйти. Хотя бы через «пост-».

Термин капиталистический реализм Фишером взят «взаимы» (может быть так «взаимы» Деррида, по его же словам, взял французский язык, чтобы вернуть его в культуру с процентами [13]. Термин появился в 60-е годы, и был производным от соцреализма в пародийном плане. Но что такое пародия? Во-первых, пародия предполагает норму и правила. Во-вторых, (и именно поэтому) она работает с ландшафтом. И если норма и правила отменены, пародия становится невозможной, ее сменяет ирония, которая и будет важной платформой для размышлений о пост-модерне.

Посмотрим, что дает нам это сравнение (пусть пародийное) с соцреализмом. Как-то П.Д. Волкова, говоря о соцреализме, сказала, что он является прямым продолжением православной идеи воплощения в искусстве моментов торжества веры. Только моментов торжества! И радости. Искусство гипертрофирует некоторые стороны религиозного опыта, что, собственно, делает и соцреализм [14, с.271-276]. Что же выражает капиталистический реализм? Идею тотальности капитализма. Речь идет, например, о том, что, в отличие от модерна, постмодерн не имеет своего культурного зеркала – постмодернизма: у модерна есть модернизм как художественный стиль, у постмодерна – нет. Он есть ВСЕ. Он абсолютно безландшафтный. Плоскостной. Эту идею развивал Джеймисон, говоря о тождестве капитализма и культуры (на Джеймисона чаще всего и ссылаются в этом вопросе [15], ее выражал еще Хайдеггер, говоря о том, что искусство вдвигается в эстетику, культура – в культурную политику [16, с. 42]. Искусство и культура постепенно подшиваются ко всему, в том числе к науке и технике, а значит (это уже добавим мы) и к экономике. В общем, можно сказать, что сегодня это уже общее ме-

¹ Примерно в это же время Бенямин пишет свой «Московский дневник», но описывает совершенно другие впечатления.

сто. Этой же идеи придерживается и Фишер, но идет дальше, подчеркивая, что именно культура создает человека, потребного капитализму, который связан с этим обществом накрепко, человека «вечного капитализма», человека, неспособного к изменениям. Уже Беньямин пишет о том, как кинематограф изменяет внимание человека, фактически крадет его, заставляя бежать вослед кадру. Джеймисон говорит о том, как влияют на человека разные виды искусства, в том числе архитектура. Он описывает отель Вестин Бонавентура архитектора Джона Портмана, который называют одним из первых архитектурных символов постмодерна. Его удивляет полное отсутствие глубины (отсутствие ландшафта!), что он замечал в постмодернистском искусстве в целом, но архитектура ведь работает с объемами! Она должна быть ландшафтной по определению! Здесь же все есть поверхность, что очень хорошо передают многочисленные зеркала. Джеймисон называет их стеклянной кожей здания, создающей впечатление отталкивания, «аналог которому мы находим в отражающих солнечных очках, которые не позволяют вашему собеседнику видеть ваши глаза, а потому добиваются определенной агрессии по отношению к Другому и власти над ним. ... Подобным образом стеклянная кожа добивается специфического де-локализованного отделения Бонавентуры от его района: это даже не экстерьер, поскольку, когда вы пытаетесь посмотреть на внешние стены отеля, вы не можете увидеть сам отель, но видите только искаженные образы всего того, что его окружает» [15, с. 150]. И далее: «Мне хочется сказать, что такое пространство больше не позволяет нам использовать язык объема или объемов, поскольку их невозможно оценить». [15, с. 152]. Полная изоляция, закапсулированность, дезориентация. Изолированный индивид, находящийся на гладкой стеклянной поверхности

странного мира, с которой так легко соскользнуть. Как узнаваем этот типаж дезориентированного человека! Он – везде, и в Англии, и в Германии, и в России. Он полностью детерриторизирован. И его время – день сурка.

Джеффрис пишет о том, что культура, вставая на индустриальные рельсы массового производства, создает человека с измененным восприятием, формирует индивида, который не хочет, да и не может ничего делать для своего будущего, потому что не знает, какое оно. Ведь скорее можно представить конец света, чем конец капитализма. Какая уж тут радость! Таким образом, если соцреализм формировал человека, настроенного на торжество идеи (в том числе идеи будущего), то капиталистический реализм был сориентирован на торжество человека без идеи и без будущего.

Капиталистический реализм, пишет Фишер, – «скорее, это нечто вроде повсюду проникающей атмосферы, обуславливающей не только культурное производство, но и регуляцию труда и образования, действующей в качестве некоей невидимой преграды, блокирующей мысль и действие» [17]. Своеобразный культурный паралич. Если человек, «впечатленный» миром, впустивший в себя его многообразие, мог потом и «напечатлеть», как говорил Хайдеггер, на этот мир свои образы, то человек, у которого индустриально оформленные механизмы психологического воздействия «крадут» впечатления, взгляд, слова, становится пустым, а эта пустота уже не может быть заполнена ничем.

И опять складка времени: о том, что чрезмерная склонность к искусству свидетельствует об упадке, пишет в еще в XIV веке Ибн Хальдун, создавший интересную циклическую теорию подъема и упадка народов. Арабский философ указывает на еще одну важную черту: изнеженность и избыточная эстетизация жизни, предпочтение

искусства ремеслу приводит к угасанию асабийи (в переводе это слово означает спаянность, единение). Племена ослабевают, растет эгоизм. А один человек выжить не может. Эгоизм – путь к упадку. Так было всегда [18]. Это – «неизменные величины человеческой души» [8, с. 38].

Значит, можно предположить, что если общество эстетизируется тотально, то оно находится на грани упадка. Или спада по крайней мере, который в силу усиления настроений ресентимента иногда принимают за свободу творчества. С констатации этого, вероятно, начинается путь Фишера от капиталистического реализма к кислотному коммунизму. С необходимостью выхода из замкнутости, которую он называет вампирским замком. И опять – карта, плоскость, глобус попал под автобус. Стяжка времен и пространств.

«Насаждаемый неолиберализмом императивный индивидуализм был новой формой индивидуализма, возникшей в противовес различным формам коллективизма, которые были в ходу в 1960-е. Задачей нового индивидуализма было одновременно и перебороть эти формы, и заставить нас их забыть»¹ [17]. Ох, как верно и хорошо! «Таким образом, эти коллективные формы надо не вспоминать, а скорее *раззабывать* (*unforgetting*) – возвращая тем самым некогда изгнанный «призрак свободного мира». Я называю этот призрак «кислотным коммунизмом» [17].

И опять на плоскости глаз и воображение захватывают маргиналии начала первого тысячелетия. Августин, который рассуждает о памяти [20, с. 249-250]. Он говорит о том, что

память изменяет события. То, что грустно – становится радостным, а радостное может быть охвачено грустью. Но есть странное состояние, когда нельзя забыть, что ты забыл. С ударением не на «что», а на «забыл». Это необъяснимое беспокойство, важное для души. Возможно, именно так случается раззабывание, о котором пишет Фишер.

«Идея кислотного коммунизма – одновременно и вызов, и обещание. Пишет Фишер, – Это своего рода шутка, но цель у нее очень серьезная. За этим термином скрывается нечто, что некогда казалось неизбежным, а ныне кажется невозможным: слияние классового сознания, социал-феминистского роста самосознания и психоделической культуры; сращение новых общественных движений с проектом коммунизма; эстетизация повседневной жизни в невиданных ранее масштабах» [17]. Мы еще вернемся к этому пассажи, некоторые идеи которого нас смущают, но пока двинемся дальше.

Кислотный, наверное, потому что, как и кислота, должен разжесть рубцы подшивания.

Надо выбирать из вампирского замка и двигаться в сторону другого. Чего? Непонятно. Наверное, это то, что Фишер, называя кислотным коммунизмом, так и не успел прописать. Но важно одно: он ищет позитивный смысл. Кислотный коммунизм включает в себя реальные процессы и мечты. Фишер цитирует Майкла Хардта: «позитивный смысл коммунизма, который согласуется с идеей уничтожения частной собственности, состоит в самостоятельном создании нового человечества: нового способа видеть, слышать, мыслить, любить» [17].

По сути дела он говорит о новом субъекте. Точнее – о его необходимости. «Необходимый субъект, то есть коллективный субъект, не существует, хотя кризис, как и все остальные глобальные кризисы, с которыми мы име-

¹ Более того, под задачу создана целая индустрия и работают научные институты и СМИ. Подробно об этом можно прочесть в книге Д... «Тавистокский институт» [19]. А в набросках «Кислотного коммунизма» Фишер цитирует Эллен Уиллис: «задача СМИ – манипулировать нашими фантазиями, чтобы покупка товаров ассоциировалась у нас с самореализацией» [17].

ем дело, требует, чтобы он был сконструирован» [12, с. 119].

Фишер говорит о классах и классовом сознании, что довольно неожиданно. О необходимости его формирования. Эта тема почти табуирована. «Классовое сознание хрупко и поверхностно. – пишет он. – Мелкая буржуазия, господствующая в академии и культурной индустрии ... делает вид, что говорить об этом – ужасная наглость, нарушение этикета. Я выступал на левых, антикапиталистических мероприятиях годами, но я редко говорил или меня редко просили говорить о классе публично» [21]. И далее: «само упоминание о классе теперь автоматически рассматривается так, как будто кто-то пытается принизить значение вопросов расы и гендера. В действительности же дело обстоит с точностью до наоборот – вампирский замок использует в конечном счете либеральное понимание расы и гендера, чтобы скрыть класс» [21].

Фишер пишет об искусственном создании среднего класса, которого на самом деле могло и не быть. Это прокладка между самыми богатыми и самыми бедными, которая легитимизирует существование как первых, так и вторых. Искусственно подкормленные, представители среднего класса сегодня попадают в незавидную ситуацию: они начинают сползать в нижние слои населения. Гиперпотребление, к которому был приучен этот искусственный средний класс, уже невозможно. И его уже никто поддерживать не собирается. Вот уже и почти порог революционности, о которой говорит Фишер, да и не только он. Пока идут процессы уничтожения среднего класса, которые именуются по-разному разными авторами: бразилизация (У. Бэк), патагонизация (К. Шваб), плебеизация (П. Андерсон), распределение по разным антропологическим видам и т.д.

Конечно, главной мишенью «хозяев» вампирского замка является мо-

лодежь, та социальная группа, которая больше всего должна быть нацелена на понимание будущего. именно поэтому захват молодежи – главная задача любой идеологии. «Забрать» детей – это забрать будущее. «Можно надеяться, что со временем любой сумеет убедить каждого в чем угодно, если успеет заставить своего слушателя довольно юным и государство снабдит его достаточными денежными средствами и материальным снаряжением», – цитирует Эстулин Бертрана Рассела [19].

«Вампирский замок питается энергией, тревогами и уязвимостью молодых студентов, но в основном он живет за счет того, что конвертирует страдание отдельных групп – чем маргинальнее, тем лучше – в академический капитал» [21]. Это очень серьезный тезис, который может быть и серьезным обвинением академическому сообществу. А разве наша академия не ответственна за аморфность и апатичность нашего студенчества? Вопрос риторический. Ответ очевиден. Да, ответственна.

Таким образом, мы получаем в неолиберальной идеологии механизм подавления каких-либо стремлений к переменам, так как их невозможно осуществить без социальной силы, превышающей силу одного конкретного индивида. Но индивида держат в капсуле, которая герметизируется еще и насаждаемым чувством вины¹. Вампирский замок специализируется на том, чтобы пропагандировать вину, пишет Фишер. Чувство вины формирует неосознанное желание дистанцироваться от социальной группы, которую обвиняют в ответственности за все неприятности в обществе, и запирает человека в капсуле социального одино-

¹ Кстати, чувство вины насаждается не только индивиду. Например, усиленное разжигание чувства коллективной вины у немцев после Второй Мировой войны привело к новому всплеску идей очередного Рейха. Последствия этого нам еще до конца не ясны, но, очевидно, они дадут о себе знать.

чества. Одиночество в толпе, так часто описываемое в научной, философской и художественной литературе, отчасти тоже следствие этой технологии работы с массовым и индивидуальным сознанием. Конечно, все не так однозначно, но суммарный эффект разных факторов дает просто сногшибательный результат.

Ситуация ресентимента обозначает себя и в области экономики, получившей название либидинозной. Мы сейчас не будем останавливаться на собственно экономических аспектах проблемы. Это не наш вопрос. Нас интересуют социальные механизмы. Экономика перестает быть производщей, говорят ее теоретики, потому что желание не приносит удовлетворения в результате. Опять база ресентимента. Результат не значим. Следовательно, даже отчуждение не происходит. Нечему отчуждаться. Не с чем бороться. Но тогда нет и возможности самопознания, рефлексии, о-сознания своих сил и возможностей. Сила желания увеличивается при невозможности его удовлетворить, и тогда, от бессилия, желание начинает ослабевать, наступает невозможность желать. Или это переизбыток желания? Интересно: книга Джеффриса «Все. Всегда. Везде» начинается с обращения к рекламе художницы Дженни Хольцер на Манхеттене: «Защити меня от того, что я хочу» [7, с.6]. Желание желания и страх перед его тотальностью охватывает человека постмодерного капитализма. Это мотив, проходящий практически через все постмодернистские тексты. От классического – желание в горизонте нехватки, до нового – желание как импульс, интенция, толчок к движению.

Фишер констатирует: в ситуации невозможности желания нет позитивного проекта критики/преодоления капитализма. Фишер пишет о необходимости встряхнуть представителей рабочего класса. Все так, но проблема в том, что в ситуации индивидуализа-

ции и полной социальной и культурной изоляции класс представляет собой не что иное, как просто собрание единиц, «...бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1+1», – как будет писать Бодрийяр [22, с.10]. В этой ситуации сознание, теряющее силу «со» становится просто знанием о дне сурка. Сознание класса можно взбодрить только извне, из точки внеаходимости. При этом имманентность рушится. Возникает ландшафт. Во всяком случае, маячит. Но выход в ландшафт из плоскости – это как высадка на Луну. Это уже неведомое, опасное, страшное, отталкиваемое. Желание без реализации. Так как желание в его реализации требует удовольствия, а продолженное желание, незавершенное желание – это желание страдания. Люди не знают, чего они хотят, полагает Фишер, как и многие другие авторы. И не только потому, что желание у людей уже есть, но скрыто от них (хотя часто именно так и бывает). Скорее, наиболее сильные формы желания представляют собой именно стремление к чему-то странному, неожиданному, загадочному. А такие вещи могут создавать только художники и профессионалы медиа, которые умеют давать людям нечто отличное от того, что их уже и так удовлетворяет. Но как что-то сделать, если субъект деконструирован, автор умер, любая форма целеполагания отъята от человека? Капиталистический реализм объявляет о своей победе в ситуации пост-капитализма. Ситуация отчасти повторяет то, что описывает Бауман в работе «Законодатели и интерпретаторы»: творческая элита попадает в зависимость от капитала в стремлении сохранить комфорт и уровень жизни [23]. «Прцветание» и «комфорт» – вот горизонт, который открывает перед нами герой (довольно серенький) нашего времени Марк Цукерберг. Изобретатель новой версии нарциссовой лужи (Facebook) заявил об этом в своей речи перед студентами Гарвардского университета»,

– с горькой иронией пишет Сильвен Тессон [8, с. 84]. Уточним: перед студентами («мы заберем ваших детей»), перед новой будущей элитой, которая претендует на то, чтобы открывать новые горизонты.

Постепенно, при погружении в атмосферу тоски, безбудущности и одиночества, становится понятно, почему в описание кислотного коммунизма у Фишера попадает психоделическая, наркотическая тематика (про феминистские штудии говорить не будем, это отдельная песня). Прорвать скорлупу изолированности и одиночества практически невозможно. А при сломе механизмов культуры (искусство, научный поиск и «эврика!», молитва – в общем, все то, что выработало человечество за тысячелетия своего существования) расширение горизон-

тов сознания становится возможным только с привлечением наркотических препаратов. Психоделика – крайнее выражение немощности. Даже такой достаточно оптимистично-реалистичный философ как Фишер упирается в стену, попадает в замкнутый круг.

Выводы

Фишер – прекрасное зеркало проблем нашей отечественной культуры и особенно нашей академической среды. И прекрасная возможность поиска вариантов создания новых парадигм мысли и деятельности. Если мы еще не знаем, что нам нужно и по какой тропинке идти, то, читая Фишера, мы можем лучше понять, какая тропинка – не наша и как выйти на столбовую дорогу мысли. Все начинается с первого шага. И если идешь, то иди прямо.

Список литературы / References

1. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.

J-F Lyotard The Postmodern Condition: F Report on Knowledge: per. from Fr. N. A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia, 1998. – 159 p.

2. Гирц К. Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры/ Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры. – СПб.: «Университетская книга», 1997. – с. 171-200.

Geertz C. Saturated description": in search of an interpretive theory of culture / Anthology of Cultural Studies, Volume 1: Interpretations of Culture. – SPb: "Universitetskaya kniga", 1997. – p. 171-203.

3. Деррида Ж. Страсти по «Фрейду» // Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только/Пер, с фр. Г. А. Михалкович.— Мн.: Современный литератор, 1999.— 832 с

Derride J. Freudian passions About a postcard from Socrates to Freud and more: Per, from Fr. G. A. Mikhalkovich. – Mn.: Sovremenniy Literator, 1999. – 832 p.

4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – Пер. с франц. С.Н. Зенкина, Москва: Академический проект, 2009. – 261 с.

Deleuze J., Guattari F. What is Philosophy? – Per. with French. S.N. Zenkin, Moscow: Academic Project, 2009. – 261 p.

5. Библер В. С. Культура. Диалог культур: (опыт определений) / В. С. Библер // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.

Bibler V. S. Culture. Dialogue of cultures: (experience of definitions) / V. S. Bibler // Voprosy filosofii. – 1989. – № 6. – P. 31-42. (In Russ.)

6. Фишер М. Посткапиталистическое желание. Последние лекции / под ред. и с предисл Мэтта Кохуна – пер с англ.: Дмитрий Безуглов, Лена Сон. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. – 216 с.

Fischer M. Postcapitalist Desire. The Last Lectures / ed. and with a foreword by Matt Cohoon – translated from English:

Dmitry Bezuglov, Lena Son. – Moscow: Ad Marginem Press, 2024. – 216 p.

7. Джеффрис С. Все, всегда, везде: как мф стали постмодернистами / Стюарт Джеффрис: пер. с англ. А. Снигилов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 368 с.

Jeffries Stuart. Everything, all the time, everywhere. How we become post-modern: trans. from English by A. Snigirov. – Moscow: Ad Marginem Press, 2023. – 368 p.

8. Тессон. С. Лето с Гомером / Сильвио Тессон: пер. с франц. Сергей Рындин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2019 – 168 с.

Tesson. S. Summer with Homer / Silvio Tesson: per. s franc. Sergey Ryndin. – М.: Ad Marginem Press, 2019 – 168 p.

9. Гройс, Борис (2015). *О новом: Опыт экономики культуры*. М.: Ад Маргинем Пресс, 215. – 240 с.

Groys, Boris (2015). *On the New: The Experience of the Economics of Culture*. М.: Ad Marginem Press, 215. – 240 p. (In Russ.)

10. Лиотар, Ж.-Ф. Либидинальная экономика / пер. с фр. В.Е. Лапицкого; науч. ред. перевода С.Л. Фокин. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 472 с.

Lyotard, J.-F. *Libidinal Economy* / translated from French by V.E. Lapitsky; scientific editorial translation by S.L. Fokin. – Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2018. – 472 p.

11. Эренбург И.Г. Виза времени: [Путевые очерки]. Берлин: Петрополис, 1929. – 370 с.

Ehrenburg I.G. *Visa of Time: [Travel sketches]*. Berlin: Petropolis, 1929. – 370 p. (In Russ.)

12. Фишер Марк. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультра-культура 2.0, 2010. 138 с. <https://fb2.top/kapitalisticheskiy-realizm-270733/> (дата обращения: 15.09.2024)

Fisher M. *Capitalist Realism. Is There No Alternative?* Trans. From English by D. Kralechkin. М.: Ultra-culture 2.0, 2010. С. 138 p. // <https://fb2.top/kapitalisticheskiy-realizm-270733/> / (accessed: 15.09.2024)

13. Деррида Ж. Последнее интервью <https://idavirus.livejournal.com/52458.html/> (дата обращения: 02.09.2024) Derrida J. *The Last Interview* / https://idavirus.livejournal.com/52458.html / (accessed: 02.09.2024)

14. Волкова Паола, Мост через бездну. – ЗебраЕ, 2014 – 304 с.

Volkova Paola, *Bridge over the abyss*. – ZebraE, 2014 – 304 p. (In Russ.)

15. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А.Олейникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.—808 с.

Jamieson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. / trans. From English by Kralechkin; under the scientific editorship of A. Oleynikov. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019 – 808 p.

16. Хайдеггер М. Время картины мира // *Время и бытие: ст. и выступления* / М. Хайдеггер; сост., пер. с нем., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибикина. – М.: Республика, 1993. – С. 41–62.

Heidegger M. *Time of the world picture // Time and Being: articles and speeches* / M. Heidegger; composed, translated from German, introduction, commentary and op. cit. B. V. Bibikhin. – М.: Respublika, 1993. – P. 41–62.

17. Фишер М. Кислотный коммунизм. «Призрак свободного мира» / пер. с англ. М. Ермаковой / Неприкосновенный запас. 134. (6/2020) – [стр. 13-35 бумажной версии номера] <https://magazines.gorky.media/nz/2020/6/kislotnyj-kommunizm-nedopisannoe-predislovie.html> (Дата обращения 25.09.2024)

Fischer M. *Acid Communism (underwritten preface)* / per. from Engl. M. Ermakova / *Untouchable reserve*. 134. (6/2020) – [pp. 13-35 of the paper version of the issue]. <https://magazines.gorky.media/nz/2020/6/kislotnyj-kommunizm-nedopisannoe-predislovie.html> / (accessed: 25.09.2024)

18. Ибн Халдун, Введение (ал Мукаддима) / Сост., пер. с арабского и прим. А.В. Смирнова // <https://moreknig.org/reader/283139/page/4/> (дата обращения: 15.09.2024)

Ibn Khaldun, Introduction (al-Muqaddima) / Compiled, translated from Arabic and ed. by A.V. Smirnov // <https://moreknig.org/reader/283139/page/4/> / (accessed: 15.09.2024)

19. Эстулин Д. Тавистокский институт. – Минск: Попурри, 2014. – 368 с.

Daniel Estulin. Tavistock Institute. – Minsk: Popurri, 2014. – 368 p.

20. Августин А. Исповедь Пер. с лат. М.Е. Сергеевко – М.: Ренессанс. СП ИВО – Сид, 1991. – 448 с.

Augustine A. Confession. M.E. M.: Renaissance. SP IVO-CID, 1991. – 448 p.

21. Фишер Покидая Вампирский замок / пер. с англ. Дмитрия Райдера / <https://rabkor.ru/columns/editorialcolumns/2014/02/04/vampire-castle> (дата обращения: 10.09.2024)

Fisher Leaving the Vampire Castle translated from English by Dmitry Ryder/ <https://rabkor.ru/columns/editorialcolumns/2014/02/04/vampire-castle> / (accessed: 10.09.2024)

22. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального: пер. с фр. / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 95 с.

Baudrillard J. In the shadow of the silent majority Baudrillard J. In the shadow of the silent majority, or the end of the social: transl. from French / J. Baudrillard. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. – 95 p.

23. Бауман З. Законодатели и толкователи [Электронный ресурс]: культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман. – <https://magazines.gorky.media/nz/2003/1/zakonodateli-i-tolkovateli.html> (дата обращения: 15.09.2024)

Bauman Z. Legislators and interpreters [Electronic resource]: culture as an ideology of intellectuals / Z. Bauman / <https://magazines.gorky.media/nz/2003/1/zakonodateli-i-tolkovateli.html> / (accessed: 15.09.2024)

Информация об авторе

Терещенко Наталья Анатольевна, докт. филос. наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. Author ID 56933802100; ORCID ID 0000-0002-3084-6926, e-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Information about author

Tereshchenko Natalya Anatolievna, Doctor of Philosophy, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. Author ID 56933802100; ORCID ID 0000-0002-3084-6926, e-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Поступила в редакцию 09.10.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Received 09.10.2024; Accepted 12.12.2024.